

**НИНА
ВАСИНА**

*Наггерница
Синей Бороды*

детектив
не для всех

Нина Васина

Падчерица Синей Бороды

«Автор»

Васина Н.

Падчерица Синей Бороды / Н. Васина — «Автор»,

Странная история... Вообще, все случившееся с Алисой, вообразившей себя падчерицей Синей Бороды только потому, что ее отчим был женат семь раз и все его жены, в том числе и ее мать, умерли, кажется цепью кошмаров. Для нее становится главным – уничтожить отчима-корейца... или свою привязанность, может, даже любовь к нему. С настойчивостью гончей она преследует его. А он действительно – крупный хищник – очень богат, умен и опасен. И вот наконец получилось – его утопили бандиты. А подставила его Алиса. И теперь охота идет на нее, ведь все свое богатство он завещал ей, любимой. И охотники не чета Алисе – ФСБ, менты и сотрудники корейца, которых он «кинул»...

© Васина Н.

© Автор

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Нина Васина

Падчерица Синей Бороды

Часть I

Девять месяцев до совершеннолетия

«В одиннадцать лет я твердо решила стать учительницей пения и, чтобы все окружающие поддержали мое решение, стала не разговаривать, а петь. Не знаю, как родные пережили этот период, длился он почти полгода, а в моей памяти остались беседы с психиатром в холодном кабинете с рисунками-кляксами на стенах, с обмылком на краю неуместной рядом с вешалкой раковины, всегда чистейшим накрахмаленным полотенцем. Я, обмирая от страха, наблюдала процесс вытирания психиатром рук, полотенце теряло свою крахмальную непорочность, и его руки с отвратительно узкими, словно вросшими в пальцы, продольными полосками ногтей потом приближались ко мне с плавностью отечной полноты, и когда правая протягивалась с пожеланием рукопожатия, а левая начинала перебирать на столе бумаги, я сглатывала тошноту и неуверенно совала в нее свою ладошку, как в нору жирного чернозема.

Для лучшего контакта психиатр иногда начинал не разговаривать со мной, а петь, и тогда я в полной прострации разглядывала его открытый рот в обрамлении топорщащихся усов и бороды. «О-о-о че-о-ом мы думаем тепе-е-ерь?» – лился из мохнатого отверстия могучий душевный бас, я вытягивалась на стуле, чтобы лучше разглядеть язык с желтым налетом и коренные с пломбами, а мама начинала копаться в сумочке, нашаривала сигареты, зажимала рот платочком, извинялась и выходила в коридор. Смеялась она там? Плакала?

Она возвращалась в кабинет, прихватив с собой в волосах табачный дым, серьезная, отрешенная, ужасно красивая, и психиатр тогда застыл с приоткрытым ртом, уже перестав петь, он просто вдыхал принесенную мамой мелодию ее длинного, тонкого тела.

Мама никогда не пела мне.

Зато она пела Синей Бороде. Я сама слышала и никогда не забуду ее тонкий неуверенный голосок, дрожащий от напряжения, как треснувший фарфоровый колокольчик.

В двенадцать лет я впервые попала в морг, и мне там ужасно понравилось.

Мы с тетей привезли одежду для мамы, мама лежала на каталке, укрытая простыней до подбородка, а ее выющиеся пышные волосы свисали почти до самого пола, я их захватила руками, кое-как скрутила в жгут и положила вокруг шеи, тетя сердито зашипела на меня, врач в грязном фартуке принес справку, мимо провезли каталку с обнаженным мужским телом, и я поняла, что морг – это такое место, где никому никого не стыдно.

Пока тетушка разговаривала с врачом, пока жужжали лифты, доставляя новые каталки, пока удушливой волной сочился откуда-то из совсем другой жизни запах щей и жареной рыбы – время шло к обеду, – и запах этот, возмутительно неуместный и даже кошунственный в потустороннем мире спокойных холодных тел, был куда отвратительнее запаха разложения, пока два санитары выгружали из металлического ящика отдельные части чьих-то тел – руки, ноги, головы – и выкладывали их с утробным бульканьем в чан с формалином, я вдруг неожиданно для себя, ну просто ужасно захотела скинуть всю одежду и потеряться. Расстегивала пуговицы, стаскивала в накатившем припадке колготы, скидывала туфли резким выбросом ноги вверх.

Бедная тетушка Леонидия!

После поющего психиатра она – мое самое яркое воспоминание отрочества.

Я в любой момент могу вспомнить ее бледное лицо с синими разводами страха под глазами. Заметив меня, голую, чинно шествующую по коридору морга, Леонидия грохнулась

на колени, словно ее подсекли, и некоторое время надежда, что ей все это мерещится, жила на ополоумевшем лице остатками недоумения и даже насмешки – рот кривился в подобии улыбки, руки цеплялись за фартук патологоанатома, но потом она сдалась на милость спасительному обмороку, ее обмякшее тело поволокли в кабинет, и я смогла спокойно прогуляться по всем отделениям морга. И если бы не нервная медсестра, помогающая разделявать доктору тело старухи на металлическом столе, меня бы еще долго никто не замечал. Кто знает, что думал персонал морга, замирая на несколько секунд в отрешении перед спокойно идущим голым ребенком? Если бы не эта медсестра, единственная, кто устроил истерику, – она кричала и размахивала работающей электропилой, пока я разглядывала, как по желобу стола стекает кровь... Если бы не она, я бы, нагулявшись, уложила мамины волосы более тщательно и разгладила морщинки у носа, хотя они маме нравились, мама говорила, что они от смеха.

«Однажды утром Синяя Борода ехал полем на своем могучем черном коне, а за ним бежали его псы – три дога, огромные и сильные, как быки...»¹

А в это время!..

«В это время мимо шла одна-одинешенька молодая и красивая девушка...»

«Что здесь делает голый ребенок? – заинтересовался пожилой презентабельный господин в очках, и сквозь стекло его глаз уставился на меня с выжидающим любопытством, а я, испугавшись чужого внимания, быстро закрыла тело мамы простыней, а потом мы с очкастым господином вместе посмотрели на пол, на серый кафель, в который падали, разбрызгиваясь, капли крови...

– Ничего страшного, – успокоила я побледневшего мужчину, он казался мне старым и гордым в своей старости, и его большому лицу совсем не шел испуг, – это у меня бывает от злости, – я зажала нос пальцами, но кровь просачивалась и текла по руке, по животу, а потом прибежала медсестра с электропилой, уборщица со шваброй, патологоанатом в грязном фартуке и тетушка Леони, размахивающая ваткой с нашатырем. Все они проявили сильное беспокойство, и ватка тетушки Леони с отвратительной влажностью прикоснулась к моему лицу, к ложбинке над верхней губой, я закричала от этого прикосновения, и все отшатнулись, стало легче дышать, и медсестра протянула мне размотанный бинт. Я промокнула кровь.

– Это у нее бывает, когда она сильно разозлится, – твердила, как заведенная, Леони, – как только что не по ней, она сердится, и из носа идет кровь, это пройдет, мы были у врача, это у нее от злости...

И так далее, пока патологоанатом не потребовал всем заткнуться, не присел рядом со мной (так приседают перед маленькими детьми – лицемерная попытка быть с ними на одном уровне), но у него это плохо получилось – я к двенадцати годам уже имела метр шестьдесят роста, и заглядывающий снизу в мое лицо неряшливый дяденька в заляпанном кровью фартуке, пытающийся прикоснуться ко мне и пугающийся близкого голого живого тела девочки, этот человек, скорчившийся внизу, показался мне жалким – этакое подобие уставшей от трупов земляной жабы. Он очень хотел знать, что меня так разозлило, я объяснила. Мне не понравился шрам на теле мамы. Сверху вниз – от ключиц к низу живота.

– Кто привел в морг голого ребенка? – оглянулся беспомощно доктор, поднимаясь.

Мне принесли одежду.

– Не оденусь, пока честно не скажете! – пригрозила я и потребовала, чтобы доктор, вскрывающий маму, признался, чего в ней не хватает.

Несколько рук помогают мне одеться, я возмущаюсь и обещаю скончаться прямо тут, на полу в морге, от потери крови. Я краем глаза вижу приближающийся шприц, уворачиваюсь и, убегая к светящемуся в трубе коридора окну, теряю по дороге каплю за каплей красные расплюснутые бусинки моей жизни.

---

¹ Здесь и далее – французская народная сказка «Синяя Борода».

– Не надо, – попросил запыхавшийся доктор, когда я залезла на подоконник, – это глупо, в конце концов, это полуподвал, не трогай окно, я тебя умоляю!

Я поверила в его желание помочь и, пока вся толпа, взбудораженная моей наготой и кровотечением, во главе с Леони приближалась, с заговорщицким шепотом рассказала, что мой отчим на самом деле – настоящая Синяя Борода, что он убивает всех своих жен и оставляет что-то из их внутренностей себе на память, и патологоанатом, вытирая пот со лба подолом халата, сознался, что действительно в маме кое-чего не хватает.

– Сердца?!

– Нет. У нее не хватает одной почки, у твоей мамы вырезали почку после сильного воспалительного процесса. Слезай. Хватит бегать.

К четырнадцати годам я поняла, что от отчима отделаться не удастся. Он ухаживал за родной сестрой своей умершей жены с неистовством буйно помешанного. Он готовил обеды и ужины, колдуя у плиты и наполняя квартиру чужими запахами, а потом исчезал, установив на столе в гостиной свечи, цветы, бокалы, супницу и сотейник, в который мы с Леони заглядывали, как в ящик Пандоры, осторожно выпуская душистый пар и не глядя в глаза друг другу, – и она, и я предпочитали по чашке кофе и паре бутербродов в кровати перед телевизором, ну а в исключительных случаях потрошилась коробка конфет на двоих, и убежавшая из вазы с фруктами виноградина могла притаиться в простыне и нарушить потом шоколадный сон влажным холодным прикосновением раздавленной улитки. Но еда – это полбеды.

Серенады – вот испытание не для слабонервных. Чаще всего ночами нас будила какофония оркестрового джаза, и весь дом прилипал к окнам в полвторого ночи, пугаясь споспешествия сатаны, и с облегчением потом отлипал – это всего лишь пятеро мужиков с инструментами, это ненадолго, минут десять поиграют под балконами и уйдут. Леони, не признающая ничего, кроме скрипки, затыкала уши, выслушивала возмущенные крики с балконов и угрозы вызвать милицию, но косилась в окно сквозь щелочку в шторах с обреченным недоумением. Мой отчим стоял в отдалении от оркестра с букетом роз и смотрел на наши окна. Джаз сменялся одинокой флейтой, флейта – барабанной дробью, происходили эти серенады по три раза в месяц с завидным постоянством, дом постепенно привык, Леони уже задумывалась, не намекнуть ли такому упорному мужчине, что скрипка...

Моя мама была шестой женой этого корейца. Если Леони сдастся, она будет седьмой. Мама прожила с ним год. Значит... к моим пятнадцати годам Леони умрет. Пока Леони переминалась с ноги на ногу и расковыривала в шторах щелочку, я надевала наушники, включала плеер на полную громкость и содрогалась от ударных, злорадно представляя рядом две ступни – корейца, тридцать восьмого размера, и Леони – сорок первого.

– Этот кореец – мелкий мужчина? – задала мне вопрос сидящая передо мной женщина.

– Ты спросила из-за размера ноги? Он не мелкий. Он ужасно худой, но длинный. Он напоминает гибкий тростник под ветром – штамп, конечно, но будто для него изобретен. У него довольно большие для корейца глаза, он видит в темноте, его пальцы – тонкие, как у пианиста, почти не напрягаясь ломают карандаш, вот так, он зажимает его, кладет на указательный и безымянный, а средний вверху, вот так, видишь, а потом раз – на три части!

– Не нервничай.

– Не могу. Он очень страшный. Если он уговаривает женщину, то ее согласие – приговор! Она больше не принадлежит себе, она – раба. Его магическое число – семь, после Леони ему должна попасться восьмая жена, которая выяснит тайну запертой комнаты.

– Скажи, пожалуйста, какие-нибудь другие сказки ты в детстве читала? О Спящей царевне и богатырях...

– Про корейца – это не сказка. Я люблю о Царевне-Лебеди, там муж, который выгнал свою жену с новорожденным ребенком, в конце посрамлен и унижен, а жена его прощает. Вот это называется сказка. У моей мамы было две сестры. Они однажды сидели все троем на

террасе и пряли, нет, серьезно, моя мама отлично умела прясть пряжу, у бабушки была собака, ее чесали, а потом из этих начесов пряли нитки, из ниток вязали носки...

– Они пряли, пришел царь и выбрал твою маму?

– Кореец выбрал старшую, Ираиду. Они пряли на террасе бабушкиного дома, был вечер, сестры говорили о мужчинах, моя мама была младшая, она стеснялась, а старшая сестра уже дважды развелась и выдавала вовсю, сказала, что хорошему мужику и троих сыновей родить не жалко, а Леони в шутку (она же совершенно не умеет готовить) сказала, что мужчину можно приворожить хорошей едой, а моя мама промолчала, и тут появился кореец и сразу предложил Ираиде родить ему троих сыновей, и старшая сестра бросила прялку и пошла за ним к машине – вроде шуточка, а на самом деле она покраснела тогда, мама заметила, что она покраснела, – так ей понравился кореец.

– Твоя тетя Ираида умерла, когда тебе было...

– Девять. Кореец сразу же принялся за маму. Он приходил в ателье через день, мама шила, шила, шила... Она ему сшила столько одежды, что шкафа не хватило потом, и в нашей квартире кореец устроил гардероб из кладовки, там он прибил полки и повесил во всю длину палку, на которой болтались вешалки с его вещами.

– А отчего умерла Ираида?

– Я не знаю, я тогда еще не все понимала правильно, и пока кореец не сказал мне в одиннадцать лет, что ему нравятся девочки вроде меня – высокие, нескладные, с большими руками и ногами, потому что из таких девочек потом вырастают самые покладистые любовницы... Пока он мне это не сказал, я могла запросто пробежаться по квартире в одних трусиках. А потом я стала думать, думать, спросила у мамы, отчего умерла Ираида, но мама провела пальцем по моим губам, она так делала, когда ей не нравились мои вопросы.

– Ты любишь ходить голой?

– Теперь только в морге. Мне врач в грязном фартуке, когда уговорил одеться, пообещал, что я могу запросто приходить в его смены в морг и ходить голой сколько угодно, но потихоньку, не привлекая внимания, а это лучше делать по ночам.

– Что ты видишь на этом рисунке?

«...Синяя Борода все точил на камне свой длинный нож: точись, точись, нож. Ты пере-режешь горло моей жены...»

– Нож. Вот ручка, вот тут лезвие, а это кровь капает с лезвия. Я думаю, кореец зарезал Ираиду, тетя была старше его, в семье этот брак не одобрили, бабушка на свадьбу не пришла, а дедушка позвонил из Франции и заказал подарок молодоженам на дом – трех щенков дога. Понимаете? Ну, это элементарно, дедушка сразу раскусил корейца!

«Синяя Борода скакал галопом на своем черном коне, а за ним бежали три его дога, огромные и сильные, как быки».

– Если я не ошибаюсь, твой дедушка лечится во Франции?

– Мой дедушка гений, просто у него умственная усталость превысила барьер выносливости организма.

– Среди твоих других родственников есть психические больные?

– Дедушка не псих. Он большой ученый, все гении воспринимают мир иначе, чем простые люди. Дедушка навел справки, он узнал о прошлой жизни корейца, теперь-то я знаю, что именно он узнал! Ираида была пятой женой, она вышла за четвержды вдовца! Дедушка посчитал, с интуицией гения прикинул, что может случиться дальше, и заказал щенков! Когда мама сказала, что выходит замуж за корейца, бабушка умоляла ее не делать этого, просила жить в грехе, но не заставлять внучку, то есть меня, участвовать в безумии этого постыдного брака.

– А гениальный дедушка не прислал случайно на свадьбу своей младшей дочери – твоей матери – черного жеребца?

– Нет. Лошади очень дорогие. Собак проще заказать и оплатить по карточке через Интернет.

– Сделаем перерыв. Чай? Лимонад?

– Можно я выпью немного красного вина? Я знаю, это не полагается, но мы могли бы пойти вон в то кафе через дорогу, только на полчаса, ну пожалуйста... Да?! Ты прелесть!

– Мне нравится слово «прелесть». Хотя оно не в тон. Нельзя называть тестирующего тебя психиатра «прелестью». Два бокала красного, пожалуйста, бутерброд с сыром...

– А можно еще желе?

– Желе и кофе. Черный. Ладно. Давай продолжим. Здесь шумновато, но уютно. Когда ты решила выследить своего отчима?

– Как только он сказал, что я буду покладистой любовницей. Я сразу поняла, что он – Синяя Борода. А он великодушно дал мне это понять. Я стала следить за ним, за мамой, правда, иногда я отвлекалась на личные дела и делала это не очень тщательно. Все-таки я была еще маленькой. Но после морга, когда врач сказал мне, что у мамы нет почки, я поняла, что у корейца где-то должна быть потайная комната. Он хранит там разные внутренности от разных жен.

– Минуточку, я поменяю пленку. Вот так. Продолжим. Ты хочешь сказать, что от твоей мамы ему нужна была почка?

– Вероятно. Но может быть и так, что патологоанатом сказал не все. Пощадил маленькую девочку.

– Хорошо. Допустим, что в этом холодильнике кореец хранит внутренности от разных жен. Зачем ему это надо?

– Может быть, он хочет собрать идеальную женщину. Он сам сказал бабушке, что всю жизнь живет в поиске. Бабушка сдалась, когда ее третья дочь – Леонидия – вышла замуж за корейца и приехала посмотреть на мужчину, уже похоронившего двух ее дочерей. Она спросила корейца, зачем ему в жизни столько жен, а кореец засмеялся, посмотрел на меня, подмигнул и пообещал, что восьмая жена положит всему этому конец. Он сказал, что идеала так и не нашел, но в каждой женщине есть своя прелесть – у одной большое и доброе сердце, у другой – редкий ум и так далее. Я очень хотела слышать, что там далее, тогда кореец сказал, глядя мне в глаза своими желтыми глазами, что должна быть женщина с самым колдовским влагищем, но ему еще такая не попадалась, и бабушка сразу же встала и ушла, а я спросила, что ему так понравилось у тетушки Леонидии? Ведь, несмотря на ее слова тогда, на крыльце деревенского дома, Леони совершенно не умела готовить, вечно питалась на ходу, и кореец своими кулинарными ухаживаниями, как, впрочем, и серенадами, скорее подавил тетушку, а не осчастливил. Оказывается, ему очень понравились ее глаза. Глаза, понимаешь?! Не понимаешь...

– Я понимаю. Леонидия упала с крыши, и арматура строящегося цоколя проткнула ей глаз.

– Я не знаю, что там было с арматурой, но тетушка Леони оказалась в морге без глаза, об этом мне сразу же доложил мой друг-патологоанатом, мы к этому времени настолько подружились, что мне даже позволялось иногда присутствовать при вскрытиях, особенно когда доктор был изрядно подвыпивши и поэтому особенно словоохотлив. Он раскрыл мне тайны многих болезней, объяснил прямую зависимость веса и цвета внутренностей от пожирающих их недугов, представь только, что увеличенная пористая печень – это результат не только токсикологического воздействия, инфекции, но и чрезмерной злобы. И я подумала, что печенька моей тетушки Ираиды – чистая и, в полном соответствии веса и объема, хранится у корейца как пример добропорядочной покорности судьбе и праведного образа жизни. Он ни за что бы не взял себе ее матку – старшая из сестер не родила ему трех сыновей, это злая ирония судьбы – Ираида, выбранная им для деторождения, была бесплодна. А вот глаз, зеленовато-голубой глаз Леонидии, наверняка плавает у корейца в колбе как образец невероятного художествен-

ного чутья – эта моя тетушка всегда смотрела поверх голов, всегда – в небо и безупречно подбирала цвета на своих картинах, не ела баклажаны, потому что они казались ей противоестественно-фиолетовыми для пищи, давила клюкву в пальцах и обмазывала потом соком свои губы – и не было цвета роднее для ее губ. Кореец сразу же набрасывался ртом на обмазанные клюквой губы, без прелюдии любовной игры, восхищаясь ее вкусом и умением возбуждать мужчину правильно подобранным цветом рта на длинном, болезненно бледном лице с огромными холодными глазами.

– Извини, конечно, но тогда почка твоей матери?..

– Он сам говорил, что общение с мамой стерилизует его, избавляет от грязи и неудач. Мама пила жизнь быстрыми большими глотками, не то что Леони – та могла смаковать какой-то сюжет или происшествие с медлительностью извращенки, пока не изводила и себя, и окружающих бесконечными попытками неосуществимого, тогда резала полотна кухонным ножом, пила и блевала. А выпитая мамой жизнь выходила из нее слезами облегчения, остатками неприятностей и огорчений, оставляя внутри только хорошее. С ней было так сладко плакать, мама могла утешить кого угодно, и не просто утешить, но и подарить надежду.

– У тебя странная речь. Я бы даже сказала – художественная речь, хотя и с сумбурными попытками спонтанного вымысла.

– Гуманитарный колледж. Театральный кружок. Бабушка была против, а кореец, когда уже жил с нами, мог с ходу, чувственно и вдохновенно пройти со мной по Шекспиру на английском. Лучше всего у него получался Гамлет.

– Давай напоследок пройдемся еще раз по теме предполагаемого убийства.

– Ну ладно. Когда тетушка Леони упала и умерла, я осталась совсем одна-одинешенька рядом с Синей Бородой, и ужас оставаться с ним в одном доме по ночам победил все мои остальные семь ужасов – одиночества, смерти, выпадения волос, слепоты, глухоты, летаргического сна и падения в разрытую могилу. Тогда я решила уничтожить отчима любым способом. Удобнее всего было найти дохлую крысу, положить ее в укромное место и через несколько дней пропитать иголку трупным крысиным ядом, а потом дать Синей Бороде уколоться этой иголкой. Но подобранная мною в подвале дома мертвая крыса непостижимым образом исчезла на третий день, а после настойки белладонны – полпузырька на бокал вина – кореец сорок пять минут в подробностях описывал мне заплетающимся языком особенности диалектического и механистического детерминизма. Я за это время отковыряла все болячки на коленках, обгрызла ногти на левой руке в ожидании его предсмертных конвульсий и, как ни странно, навек запомнила, что отрицание механистическим детерминизмом объективного характера случайностей ведет к фатализму. Насладившись собственным красноречием, моим напряженным вниманием, горящими глазами и полыхающими щеками – такое возбуждение он принял за мое потрясение величайшими открытиями философской мысли, – кореец встал, утробно рыгнул, взялся одной рукой за голову, а другой за живот и спросил, не хочу ли я поехать с ним в бассейн поплавать, поскольку лучше всего новое в науке и философии закрепляется, когда организм занят физическими нагрузками. Я отказалась, тогда отчим потребовал, чтобы, разлагаясь в безделье, я уяснила для себя главное – «там, где наука строит гипотезы, идеология в некоторых ее проявлениях может строить произвольные конструкции, выдавая их за реальное отражение действительности». А после бассейна он обещал объяснить, как идеология страсти может подменять собой любые чувства, в том числе ненависть и любовь, и (кстати!), заигравшись в ненависть, такая молодая особа, как я, может запросто перейти к построению некоторой конструкции смерти, весьма опасной без научного осознания. Уже одевшись и собрав все для плавания (я ходила за ним по пятам, поджидая, когда же, наконец, он свалится в предсмертных судорогах), кореец посоветовал в его отсутствие подумать о познании Вселенной и решить, к какому классу познающих я отношусь: к оптимистам либо к скептикам. И когда он

вернется, кроме собственного самоопределения, я должна буду ответить на вопрос: к какому типу познавателей Вселенной относились Фауст, Ксенофан и Гегель.

Это было в среду. В четверг к вечеру я обзвонила все морги и больницы. Отчим как в воду канул (хотя первым делом я узнала, что в воду он как раз не канул и не утонул в бассейне после моего коктейля). В пятницу к обеду он позвонил и спросил, сделала ли я домашнее задание. К этому времени я обессилела от поисков его трупа и напрочь забыла об именах, записанных впопыхах на обоях в коридоре. «Пока не выяснишь, к какому типу познающих относились эти люди, я домой не вернусь», – заявил отчим. Я завывала от ненависти к нему и собственного бессилия. Именно в припадке этой ненависти я кинулась в его кабинет, перерыла множество книг и выяснила, что Ксенофан – древний грек, Фауст, конечно же, – литературный персонаж, а Гегель – философ с таким огромным количеством изданных трудов, что я впала в отчаяние: всей моей жизни могло не хватить на их изучение, а как же тогда главная миссия – истребление Синей Бороды?! Но, с другой стороны, если кореец не вернется домой, я не смогу его убить, и он забросает цветами, замучает музыкой и корейской кухней очередную жертву, чтобы потом вырезать у нее внутренности, он уйдет от меня! Тут я впервые осознала, что ужас жить с ним в одном доме и ужас его отсутствия совершенно взаимозаменяемы, или, выражаясь философски, он стал «субъектом» моего познания, а я – «объектом», и я в отношении к отчиму стала в каком-то смысле «собственностью субъекта, вступив с ним в субъектно-объектные отношения». По крайней мере, так написано в учебнике по философии.

– Отлично. Молодец. Теперь соберись с силами и расскажи о нападении.

– В субботу посыльный принес от корейца огромный букет красных роз и коробку с пирожными, моя подруга – записку от директора школы родителям, а почтальон – заказное письмо, в котором попечительский совет призывал отчима явиться в городскую управу. Я выщипала все розы до одной – их было тринадцать, разбросала лепестки по полу, а общипанные стебли выбросила на лестницу. После двух дней нервного потребления кофе и яблок я съела восемь пирожных, изодрала в клочья письмо попечительского совета, двенадцать раз проверила, работает ли телефон, и, совсем измотавшись, задремала на диване.

Я услышала, что кореец пришел, по запаху. Запахло духами. Этот убийца жен источал запах французских духов! Когда я открыла глаза, он уже заходил в комнату, удивленно разглядывая кроваво-красные пятна привядших лепестков на полу. Он присел у дивана, всмотрелся в мое лицо – запах духов стал невыносим – и поинтересовался, что именно сказал Фауст по поводу познания Вселенной. Я, совершенно зачумленная сном, сглатывая тошноту после восьми эклеров, примерно пробормотала: «Природа для меня загадка, я на познании ставлю крест...», после чего меня стошнило прямо на его ослепительно белую рубашку.

Отчим поволок меня в ванную, я сопротивлялась, кричала, что лично я – агностик, так как напрочь отрицаю возможность полного познания мира. В ванной кореец разделся, я вымыла лицо и заметила на брошенной в раковину рубашке красное пятно. Это была губная помада на сгибе воротника. Губная помада, понимаешь?! На меня снизошло спокойствие и умиротворение, я пошла на кухню, дождалась, пока кореец выжмет разрезанные апельсины, добавит в высокий бокал к апельсиновому соку две стопки водки и полезет в шкаф за трубочкой. В этот момент, не сводя глаз с его татуированной спины, я вылила в бокал пузырек атропина. Отчим, помешав соломинкой коктейль, вдруг от души протянул бокал мне, уверяя, что это поможет справиться с тошнотой. Отшатнувшись и взыв от отчаяния, я опрокинула стойку с ножами, выбрала на ощупь ручку помощней и – раз! – бросилась на корейца, стараясь попасть ему в лицо...

– Попала?..

– Куда там... Я бегала за ним по кухне, потом – через коридор в комнату. Кореец шутя и даже как-то лениво отмахивался, умоляя меня не порезаться, а я кричала так громко, что прибежала соседка и стала стучать в дверь, и пока кореец открывал дверь, я порезала ему сзади плечо, а он попросил соседку позвонить ноль три – «девочке плохо». Потом приехала «Скорая», врач сразу же бросился перевязывать окровавленного корейца, я сидела в углу в коридоре, прижав к себе нож, и нервно икала, соседка вдруг принесла из кухни бокал, чтобы помочь мне с икотой, я взвыла от такой несправедливости судьбы, и тогда врач, закончивший перевязку, сначала отпил немного, а потом – восхищенно покачав головой – все до дна. Я сказала, что теперь он умрет, если не вызовет у себя рвоту, врач посмотрел на меня с брезгливым снисхождением. Я знаю эти взгляды, я помню их еще со времени поющего психиатра, я замолчала и закрыла голову руками, а медсестра осторожно вытащила из моих сведенных судорогой пальцев нож. Потом я плохо помню. Врач стал писать что-то, свалился со стула, и в «Скорую» его загрузили на каталке. Пошатывающегося, окровавленного корейца завела в машину, держа под руку, медсестра, а меня, укутанную в одеяло, отнес туда на руках шофер, уверяя собравшихся в подъезде соседей, что он видел много «дурдомов», но такого ему еще не попадалось.

– Врач «Скорой помощи» скончался через три часа. Твоего отчима перевязали, допросили в больнице и отпустили домой, а тебя поместили в бокс для психически неуравновешенных.

– Обидно, да? Отчим живехонький, с небольшой царапиной у шеи выгуливает следующую жертву, а я уже вторую неделю глотаю таблетки и отвечаю на вопросы. Мне дадут справку?

– Справку?..

– Что я психически больна.

– Это вряд ли. Я пока не вижу особых отклонений.

– А разве это решает не комиссия? Ты откуда вообще?

– Я – судебный психиатр. Вот моя карточка.

– Тебя зовут Пенелопа? Обалдеть... Психиатр по имени Пенелопа. Ладно, я не псих, я – несовершеннолетняя сирота, у которой на фоне страданий по умершим родственникам случился нервный срыв.

– Мне очень понравился твой нервный срыв.

– Я старалась.

– Распишись здесь. И здесь. Ты свободна. Завтра придешь в отделение милиции по месту жительства и будешь там отмечаться до окончания следствия.

– Так просто?

– Сколько тебе осталось до шестнадцатилетия?

– Девять месяцев. А что?

– Если ты успеешь сделать все, что задумала, до своего совершеннолетия, я признаю тебя самой гениальной злодейкой нашего времени.

– Ой-ой-ой!.. И что тогда будет?

– Я возьму тебя к себе на работу.

– В психушку?

– Нет. В прачечную.

Запись закончена в шестнадцать сорок три».

Следователь Лотаров достал из кармана тщательно свернутый платок. Осторожно отогнул уголок, набрал воздуха, оглушительно высморкался, приладил уголок на место, убедился, что тот приклеился, и, удовлетворенно кивнув, положил платок обратно в карман.

Пенелопа достала сигареты.

– В моем кабинете не курят! – тут же злорадно сообщил Лотаров.

Пенелопа сглотнула подкатившую от манипуляций с платком тошноту, убрала сигареты в сумочку, а с зажигалкой баловалась, доведя следователя металлическим клацаньем до легкого раздражения. Раздражение это проявилось сначала в осуждающих взглядах, потом – в перекалывании бумаг на столе, а в конце Лотаров опять достал платок из кармана, попробовал отлепить недавно склеенный уголок, не смог и высморкался в середину платка.

– Пенелопа Львовна, – заявил после этого следователь, – видите, что получается: у меня аллергия на ваши духи!

– Я вас умоляю, – лениво заметила Пенелопа и покосилась на часы.

Часы показывали без десяти четыре. Рабочий день у следователя Лотарова сегодня до пяти тридцати. Если не повезет и его не вызовут по срочному вызову, то сидеть ей здесь еще долго, каждые пятнадцать минут отказываясь от чая из подозрительного стакана, и гнать подальше воспоминание о носовом платке следователя, который он засмаркивал три дня назад, тот же это платок, или... Нет, так не годится. Пенелопа определила себе время до половины пятого.

Расслабившись на стуле, вытянув ноги и скрестив их, она, чуть покачивая острым носком правой туфельки, постаралась направить сморкательный потенциал и сосредоточенность Лотарова в нужное русло.

– Девчонка неплохо образована, артистична и имеет неумное воображение. Тип неврастеничного шизоида с отклонениями в гениальность. Годам к тридцати, после третьего развода, засядет писать романы.

– И что, – поинтересовался следователь после продолжительного молчания, – ничем больше, кроме как написанием любовных романов, эта психованная человечеству не угрожает?

– А это смотря в чьи руки она попадет. Я предложила спонтанный вариант ее будущего, а вы, судя по всему, готовы засадить ребенка в исправительное учреждение года на два и тем самым в дальнейшем изрядно уменьшить процент раскрываемости по особо тяжким и мошенничеству.

Шевеля губами, следователь переварил полученную информацию и поинтересовался, как же это следует понимать? Если судмедэксперт угрожает, то почему перед ним на столе лежит такое странное заключение по результатам обследования несовершеннолетней девочки Алисы? Такое, можно сказать, успокаивающее? А если Пенелопа Львовна позволяет себе критиковать методы наказания, употребляемые судебной системой в нашей стране, то ей следует помнить, что она...

– Что она является винтиком этой самой судебной системы и должна относиться к ней с почтением и здоровым прагматизмом, – закончила Пенелопа за следователя уже заученную наизусть фразу. – Я работаю в этой самой системе по совместительству, – зевнула она и перекинула ноги, теперь легко покачивалась левая туфля.

Следователь поинтересовался, знакома ли работающая по совместительству Пенелопа Львовна с материалами дела? Пенелопа покивала головой и опять зевнула. Замахав на нее вдруг рукой, открыв угрожающе рот, следователь наклонился под стол, где благополучно чихнул. Пенелопа закрыла глаза и терпеливо выждала сморкание в заветный платок, отслеживая про себя все звуки.

– Я хочу знать, что это за духи такие, – взял следователь ручку.

– Зачем? – открыла глаза Пенелопа.

– Видите платок? – Лотарову удалось быстрым движением вытащить из кармана платок и протянуть его через стол, прежде чем Пенелопа отшатнулась. – Никогда в жизни не пользовался. А этот специально ношу для встреч с вами. Я направлю духи на санитарную экспертизу.

– Сто двадцать долларов за флакон.

– Ладно, проехали, – сдался следователь. – Как бы вы меня описали? – вдруг спросил он.

– Описала? – удивилась Пенелопа.

– Ну да, – Лотаров постучал по папке с делом Алисы К. – Вот тут у вас есть подробное описание внешности обследуемой и ассоциации, которые у вас эта внешность вызывает. А как бы вы меня описали?

На часах – четыре пятнадцать. Пенелопа в тоске смотрит на руки Лотарова, любовно разглаживающие платок.

– Честное слово, – вздыхает она, – не знаю, зачем вам это надо. Если потребуется в ходе какого-то расследования...

– А чтобы решить раз и навсегда – насколько я могу доверять вашим психологическим зарисовкам, – перебивает ее Лотаров.

– Ладно, я попробую. Мужчина сорока – сорока пяти лет, склонный к полноте, с необычайно густой выходящей шевелюрой до плеч. Особое внимание на круглом лице со здоровым румянцем привлекают усики, за которыми наш герой, вероятно, ухаживает с исступлением холостяцкого одиночества: непосредственно под носом уточкой они густые, но потом постепенно сходят до тонких, загнутых кверху кисточек, что придает пухлому розовошекому лицу оттенок кошачьей хитрости. Не знаю, стоит ли добавить, что на этом оформлении брезгливо изогнутого рта не заканчивается: под нижней губой, чтобы как-то сгладить сутенерский оттенок усиков, устрашающе топорщится маленьким треугольником этакий «вместобородник», подобие бородки.

Итак, перед нами скептик, не отказывающий себе в удовольствии как следует загрузить желудок на ночь, однолюб, надеющийся решением кроссвордов в свободное время поддерживать ум и эрудицию в состоянии профессиональной необходимости. Наблюдателен, – Пенелопа вдруг заметила, что завелась, – упорством и выдержкой добивается того, чего его коллегам не добиться умом и риском, его нельзя назвать чистюлей, но в разработке дел аккуратен, хотя наличием нюха и интуиции похвастать не может. – Пенелопа погасила глаза, спрятав их под ресницами, переставила ноги, подумала и подтянула их к себе, потом вскинула на Лотарова уже спокойный взгляд и заметила: – И это все. О нем.

– Разочаровали вы меня, Пенелопа Львовна, честное слово, разочаровали. Я же знаю, что вы по мне собственное расследование делали. Мое дело для вас по знакомству выдернули из архива. Изучали. Вы всегда так предвзяты в мелочах?

– Я судьбу пятнадцатилетней девочки не могу считать мелочью.

– Ну да, ну да... У вас же присутствует тот самый нюх и интуиция, так? Что это вы унюхали, Пенелопа Львовна?

– Ваше дело мне ничего не дало. Но раз уж вы заговорили о моей профессиональной интуиции, ладно, играем честно. В вашем личном деле нет некоторых порочащих следователя прокуратуры сведений. После развода с женой вы стали посещать китайский публичный дом. Жена ваша, уроженка города Рязани, женщина крупная, в теле, волосы рыжие, нрав жесткий. И какой же вывод я делаю из двух этих фактов? Навряд ли сорокатрехлетний мужчина пойдет развлекаться с миниатюрными китаянками в припадке ностальгии по жениным ласкам.

– Давайте чайку выпьем, – следователь достал из стола пачку заварки. – И зачем же он туда пойдет?

– Первый раз может пойти из интереса к экзотике, – Пенелопа смотрела, как Лотаров встал, налил воду в чайник и теперь выскребывает старую заварку из кружки, повернувшись к ней спиной. – А вот в шестой или восьмой раз – это уже система. Тут для меня что может быть интересным? Мотив.

– Пенелопа Львовна, ну какой у мужика может быть мотив, когда он идет к платной проститутке, честное слово, что вы мудрите? – добродушно заметил Лотаров, и Пенелопа вдруг поймала на себе его взгляд. Взгляд этот как раз задержался на ее коленках.

– Это вы правильно заметили. Мотив – вещь условная. И трудно доказуемая, так у вас выражаются? – она покачала головой, отказываясь от чая, – Лотаров помешал заварку ложкой,

а ложку потом вытер своим платком. – Вы можете говорить, что ходите в китайский публичный дом для удовлетворения мужских инстинктов, а я при желании ограничу эти ваши инстинкты патологией. К примеру, я могу сказать, что мужчина, предпочитающий хрупкое недоразвитое женское тело, вполне может иметь склонности к педофилии.

– Не очень понимаю, к чему это вы клоните, – Лотаров шумно отхлебнул из чашки.

– После такого моего заявления вас с вашими сексуальными пристрастиями отстранят от дела несовершеннолетней Алисы К. хотя бы на время разбирательства.

– А вы, оказывается, опасная женщина, Пенелопа Львовна, – хитро прищурился над чашкой Лотаров, – и зачем вам мое отстранение?

– А мне не нравится, что вы собираетесь уличить девчонку в преступном умысле и запереть ее в исправительном учреждении. И если это дело отдадут, например, следователю Чуйковой Л.П., я могу быть уверена в совершенно другом исходе, поскольку, по моим сведениям, она, во-первых, разведена, а во-вторых, бывший муж замучил ее судебными исками насчет совместного проживания с ним дочери.

– Так-так-так... Давайте посмотрим, что у нас там по делу получается. Отчиму, Г. Шеллингу, нанесена резаная рана в область основания шеи применительно к правому плечу...

– Применительно к чему? – не удержала улыбки Пенелопа.

– Применительно к правому плечу. Это значит вот сюда, – Лотаров провел ребром ладони себе над плечом. – Рана эта нанесена сзади, в момент открывания Г. Шеллингом двери. Орудие повреждения прилагается... Вот еще! При смещении режущего лезвия в сторону шеи на два с половиной сантиметра могло иметь место повреждение сонной артерии, влекущее за собой смертельный исход. Читали?

– Читала. Я думала, что в милицевских протоколах фиксируется действительное положение вещей, а не условно-предполагаемое.

– Подследственная созналась, что имела умысел отравить своего отчима, и подробно описала, чем и как.

– Хороший адвокат нейтрализует обвинение, как только всплывет эта попытка отравления. Вы должны будете доказать, чего же именно хотела подследственная. И, описывая умышленные действия по отравлению, должны будете признать, что в таком случае рана в область шеи... как там у вас? Применительно к правому плечу, да? Что эта рана не могла быть заранее подготовленным действием. Насколько я знаю, отчим Алисы заявления не подавал. Что вы расследуете?

– Я расследую смерть доктора «Скорой помощи», которая наступила...

– ... в результате отравления большой дозой атропина, и к отравлению девочка Алиса имеет только косвенное отношение как «лицо, изготовившее напиток, сочетающий в себе алкогольную субстанцию – предположительно сто восемьдесят миллилитров, сока – предположительно шестьдесят миллилитров и атропина сорок миллилитров – аптечная расфасовка», – процитировала Пенелопа на память. – Коктейль врачу подала соседка, медсестра – свидетель. Прошу заметить, что, по словам медсестры, врач был предупрежден, но словам девчонки значения не придавал. Трагическая случайность.

– Тут ведь что интересно, Пенелопа Львовна. Если бы этот Г. Шеллинг все-таки погиб в результате отравления или перерезания ему сонной артерии, кому бы достались все его деньги?

– А что, много денег?

– И денег много, и домов загородных – три, и яхта в Ницце стоит на приколе, и вклад в швейцарском банке имеется. А родственников, считай – никого. Одна падчерица и осталась.

– Нелогично. Если бы кореец погиб, Алиса была бы осуждена.

– А-а-а, вот тут как раз есть маленькая хитрость, и я ее разгадал, хотя вы, Пенелопа Львовна, и ограничили мои умственные способности решением кроссвордов. Она была бы осуждена как несовершеннолетняя, то есть еще не вступившая в наследование как физическое

лицо. Никаких конфискации имущества, естественно. И, отсидев, вышла бы на свободу уже совершеннолетней и ужасно богатой. Потому что по завещанию этого Г. Шеллинга в случае его внезапной смерти опекуном несовершеннолетней Алисы К. была бы назначена ее бабушка как прямая наследница всего движимого и недвижимого после смерти своей последней дочери.

Шестнадцать двадцать семь на часах. Пенелопа смотрит в лицо Лотарова. Лотаров трет покрасневший нос и задумчиво констатирует:

– Хотя, положи руку на сердце, на этого корейца с немецкой фамилией давно пора завести уголовное дело. Пятерых жен из семи похоронил, бедняга. И все – с большим приданым. Давайте договоримся, Пенелопа Львовна, не в службу, а в дружбу – поговорите с этим Гада... Гаде...

– Гадамером, – подсказывает Пенелопа, не сводя глаз с часов. – Его зовут Гадамер Шеллинг. Это не его имя, он поменял и имя, и фамилию в двадцать три года, как раз перед первым браком. Это имена известных философов. Гадамер, подождите, вот у меня записано... так, Гадамер – приверженец герменевтики,² а Шеллинг – объективного идеализма.

– Ага, – задумчиво переваривает информацию Лотаров, пока Пенелопа отслеживает перемещение секундной стрелки. – Как это у вас с ходу получаются такие сложные слова?... Вы хотите сказать, что кореец – ваш пациент?

– Почему? – удивилась Пенелопа.

– Нормальный человек разве захочет, чтобы его звали Гадамер? Ну, да ладно. Вы мне заключение...

– До свидания! – Пенелопа резко встает и идет к двери: на часах ровно половина пятого.

– Только маленькое заключение по этому корейцу, я больше не прошу, ну что вам стоит, – в голосе Лотарова просительные нотки, а рука уже полезла в карман. Пенелопа кивает головой на ходу и успевает выйти за дверь, прежде чем Лотаров вытащил свой платок.

Оставшись в кабинете один, следователь улыбнулся и убрал платок в стол, обернув его перед тем в лист бумаги. «Пенелопа» – написал он на упаковке. Кроме пластмассовых мух, которых Лотаров незаметно забрасывал в чай, а потом доставал из стакана и обсасывал перед тем, как выбросить (упаковка с инициалами П.К. – кто она, эта бедная П.К.?), в отдельной коробочке с надписью «Лузанова и Квашня» хранился гуттаперчевый паук-птицеед в натуральную величину (если бросить его на пол – прыгает и содрогается секунд тридцать), яркая губная помада, одна женская сережка с янтарем, резиновые перчатки с прожженными дырками. Тщательно упакованная в полиэтиленовый пакет, стояла пепельница, полная окурков и полусгнивших огрызков яблок (он собирал окурки в других кабинетах и на лестнице из банок, приводя сослуживцев в состояние умственного ступора, при котором невозможны насмешки или слухи), отлично выполненный замшевый муляж полуразложившейся дохлой крысы с оскаленными зубами лежал просто так, незавернутый и ненадписанный, а из баллончика-шутихи следователь Лотаров за две секунды мог показательно испачкать свою одежду чем-то средним между кетчупом и блевотиной и за пятнадцать-двадцать секунд (в случае срочного вызова с допроса к начальству) убрать всю эту синтетическую накипь в коридоре бумажной салфеткой.

Что характерно: надписи на этикетках и пакетах менялись, а ассортимент почти нет. Универсальный набор для проведения удачных следственных бесед изобрел следователь Лотаров. Любой наблюдательный человек, изучив этот набор, скажет, что следователь предпочитал развлекаться подобным образом с подследственными женского пола, и будет абсолютно прав. Хотя, к примеру, пятна губной помады на лице, блевотина на пиджаке и пепельница некурящего Лотарова – эти атрибуты успешных допросов подходили для создания обманного образа следователя и для мужчин, и для женщин.

---

² Искусство толкования текстов, учение о принципах их интерпретации.

Кое-кто из подследственных после допросов у следователя пытался рассказать своему адвокату или родне ужасы пережитого в кабинете Лотарова, но получалось это как-то невнятно и на использование недопустимых мер устрашения или запугивания не походило. И если бы кто-то, сопоставив наличие всех этих предметов в столе следователя и синюшную бледность некоторых выходящих из его кабинета подследственных, посоветовал Лотарову подлечиться или хотя бы посоветоваться с психиатром, этот человек был бы посрамлен процентом раскрываемости дел у следователя Лотарова и заверениями начальства, что такого исполнительного и принципиального работника встретишь в современной судебной системе крайне редко, крайне!

А то, что следователь Лотаров совсем не глуп, подтверждается его посещением в семнадцать двадцать кафе «Суши уши» и беседой с адвокатом, проведенной под теплое саке и сырую рыбу в соевом соусе. Адвокат не переваривал ни то, ни другое. Прикрывая свой чувствительный нос от рыбных запахов белейшим платочком с вышитыми инициалами, адвокат с уважением выслушал все, что Лотаров думает о смерти хирурга Синельникова, по неосторожности отравленного в квартире корейца. Наблюдая реакцию адвоката на японскую кухню, следователь ловко управлялся с палочками, кусочками рыбы, отваренными овощами и рисом. Адвокат не мог понять, почему каждый раз для встреч с ним следователь выбирает именно это отвратительно пахнущее место (он не знал, конечно, о содержимом стола Лотарова). Он слушал молча, иногда кивал, иногда, не соглашаясь, водил из стороны в сторону указательным пальцем с массивным перстнем (Лотарову виден был тогда ободок этого перстня со стороны ладони, и следователь в который раз ловил себя на том, что прикидывает, какой именно оттенок образа он создаст, нацепив на свою руку что-то подобное). Пока что перстень не подходил ни к многообразному носовому платку, ни к пауку, а что уж говорить о содержимом баллончика...

Адвокат ушел раньше. Лотаров задержался, ковыряясь в зубах зубочисткой и задумчиво потом ее нюхая. Перебирая в памяти все им сказанное, следователь сам себе иногда кивал – это означало похвалу, или кривился, изгибая при этом верхнюю губу таким изощренным образом, что она соприкасалась с носом – это означало легкое недовольство. И так. Следователь только что передал адвокату весьма важную информацию. Сделал он это специально, хотя к разговору заранее не готовился, и в большей степени, конечно, эта встреча явилась следствием надменности и брезгливости Пенелопы, прекрасной сероглазой Пенелопы, сорока двух лет, не замужем, предпочитающей решать свои сексуальные проблемы с личным составом отделения номер сорок пять, а профессиональные с заместителем генпрокурора.

С личным составом сорок пятого отделения она обычно посещала тренажерный зал, из которого уходила в сопровождении очередного героя, особенно эротичным приемом уложившего ее на ковер, а с заместителем главного и двумя его приближенными играла каждую третью субботу в преферанс. Теперь адвокат знает, что Пенелопа готовит в свою прачечную новую работницу, несовершеннолетнюю Алису К., задумавшую зарезать своего отчима, но почему-то вместо этого совершенно случайным образом отравившую хирурга Синельникова – личность одиозную, в городе печально известную. Интерес Пенелопы означает, что девчонку не осудят, Пенелопа не даст, и не даст она это сделать любой ценой.

Следователь Лотаров шел домой, не обходя лужи, вполне довольный ужином и самим собой. В однокомнатной квартире его ждала шахматная доска с незавершенной партией и кот. Допрос, с которым он эту партию и доиграет.

Горящие окна светились желтым цветом, в лужах отражались поочередно – рекламные сполохи и крошечная темень с безумным зрачком фонаря, дул ветер, и, как всякий ветер ноября, он был неприятен, но свеж; накапывающий иногда дождь косил росчерками по витринам, едва ползущие – час пик – автомобили сливались зажженными фарами в полосы текущей лавы, и город пропах выхлопными газами, как квартира одинокого пенсионера старыми одеялами и лекарствами.

Объявление в газете: «Прачка по вызову. Дорого». Если набрать указанный номер телефона, приятный женский голос перечислит расценки, заметит, что срочная стирка проводится в течение трех часов с момента заказа, «к вам подъедет наш фирменный фургон, заберет вещи и через три часа привезет их выстиранными и выглаженными». Стирка мужской рубашки – пятнадцать долларов, льняной простыни – десять, а шелковой – двадцать, бального платья – сорок пять, индийской шали – пятьдесят и так далее, пока клиент, извинившись, положит трубку или бросит ее, не извинившись.

Объявление в Интернет-службе более развернуто, оно уже заставляет задуматься: «Стираем грязное белье. Дорого. Конфиденциально», сообщение по электронной почте можно отправить на адрес *e-mail: penelopa@laundress.ru*. Некоторые особенно любопытные бездельники пишут просто, чтобы узнать, почему – Пенелопа, и получают исчерпывающий ответ: «А чем, по-вашему, занималась жена Одиссея в ожидании странствующего мужа, когда не пряла?» А некоторые особенно догадливые спрашивали в лоб: «Пенелопа, ты разводишь или сватаешь?», на что тоже получали исчерпывающий ответ: «Решаю любые проблемы с грязным бельем, и эти в том числе».

Выйдя из кафе, я сразу же направились в мастерскую «Кодла» и почти час рассказывала застывшей от моего невероятного повествования мотокоманде о невероятных приключениях, аресте и беседе с психиатром за бокалом вина. В «Кодле» всегда пахнет дальней дорогой, бензином, сваркой и еще курятником из-за почтовых голубей, которых разводит Тихоня.

– Что ты теперь будешь делать? – поинтересовался в конце самый старый из роллеров – Сутяга.

– Пойду домой. Посмотрю, как там кореец, – ответила я, не задумываясь, и вдруг поняла, что ужасно хочу увидеть его противную, невозмутимую, узкоглазую морду!

– А знаешь, – заметила на это налысо обритая и вечно сексуально озабоченная Офелия, – ты запала на своего отчима, факт! На тебя попала его кровь? Когда ты его порезала, выпачкалась кровью?

– Выпачкалась?.. Нет, не помню.

– Если выпачкалась, все – тебе хана. Вы покровились, и ты теперь никуда не денешься!

– Я перед этим его заблевала слегка, это хоть ничего не значит?

Сутяга предлагает остаться на несколько дней в мастерской, есть у них комната для лишенных домашнего очага странников.

– Шумновато, правда, но ничего, я, когда ушел от второй жены, две недели здесь жил. Зато есть душ и кухня, научишься ремонтировать машины, ругаться матом на испанском, португальском и чешском.

– Она больше не сможет прожить ни дня без этого мужика, – не сдавалась Офелия. – Ты как, в изоляторе сильно маялась? Онанизмом занималась?

– Да отвянь ты со своими заморочками, – вступил в беседу Тихоня и, доверительно приблизив свое веснушчатое лицо к моему, полыхавшему жаром, авторитетно заявил: – Тебе нужна бомба. Приходи завтра к вечеру, сделаю.

– Бомба?..

– Автомобильный «скарабей», мое изобретение.

– Спасибо большое, но меня вычислят за два часа.

– А мы тебе полное алиби обеспечим, все трое! Скажем, что занимались групповым сексом в бильярдной! – Офелия мечтательно закатывает глаза.

– Спасибо, я выкручусь сама!

– Правильно, – одобрил Тихоня. – Тебе нет шестнадцати. Затрави его хоть до полного анамнеза, он и пальцем тебя не посмеет тронуть, иначе – заметут за насилие над несовершенно-

нолетней. Видишь серый «Кадиллак»? – вдруг спросил он. – А вон и хозяева выходят из туалета, близняшки. Братья Мазарини. Хочешь, я попрошу, чтобы они решили твои проблемы с отчимом?

В сумрачном ангаре два низкорослых коротышки одинаковыми движениями застегивают молнии на ширинках, после этого синхронно проводят ладонями по волосам.

– У них три машины, и все три мы ремонтируем. В среднем получается по машине в неделю. Неплохой заработок. В прошлую среду, к примеру, дверцу меняли. Восемь пулевых отверстий. И сейчас они уедут на «кади», а «мерс» останется в ремонте. Готов! – вдруг кричит Тихоня, и братья как по команде разворачиваются и идут нога в ногу к автомобилю. У клеток с голубями они задерживаются, оба щелкают по прутьям ногтями, дожидаясь голубинового переполоха и удовлетворенно следуют дальше.

– Они такие сексуально припадочные, просто бешеные звери! – шепчет Офелия. – Мужикам за сорок, а на мотоцикле визжат и прыгают, как суслики!

– Мазарини... Они что, итальянцы? – я наблюдаю небольшую потасовку – братишки никак не могут договориться, кому сесть за руль.

– Они совершенные олигофрены, ну совершенные! – стонет от восторга Офелия. – Могут подраться из-за мороженого!

– Да никакие они не Мазарини, – кривится Сутяга. – Братья Мазарины из Челябинска. Цветной металлолом. У них еще есть сестренка.

– Тоже близняшка? – я лихорадочно вспоминаю, где слышала эту фамилию.

– Не видел. Братья говорили, учиться на врача.

– Да! – закричала я, вскочила и несколько раз подпрыгнула, подгибая под себя в прыжке ноги так, чтобы пятки стукнули по попке. – Да! Да!

– Что – да, ну что? – тут же подпрыгнула рядом Офелия.

– Так, ничего... – я подошла к остолбеневшему Сутяге и застегнула все его шестнадцать молний на кожаной куртке. – Просто вспомнила, где я слышала эту фамилию. Мазарина Рита. Да! Нет, ничего интересного, просто эта фамилия... Так звали медсестру, которая приезжала на «Скорой». Я видела ее фамилию в протоколах.

– Иди сюда, – схватив по-деловому за рукав, Тихоня, ничего не объясняя, повел меня в конец ангара.

Старый потрепанный «мерс».

– Ну и что? – я ничего не понимаю.

Порывшись в бардачке, Тихоня достает фотографию.

– Она?

Почти минуту я смотрю в лицо молоденькой девушки с косичками. Если ее остричь и выкрасить в блондинку, получится медсестра Мазарина, честно изложившая следователю Лотарову, как именно был отравлен дежурный врач.

– Мне пора домой, – заявляю я категорично и быстро сматываюсь, несмотря на умоляющие стенания Офелии.

В метро совершенно невозможно думать.

На улице пошел дождь.

Сегодня – пятница.

Я дала себе неделю.

Через неделю Рита Мазарина должна прийти на ужин к нам домой.

Она пришла уже в воскресенье вечером.

Дело было так. Войдя в квартиру, я быстренько заперлась в ванной и, отмокая в пене, разработала какой-никакой план. Размокла окончательно, потом высохла, выпила чай, кофе, сок, бокал вина, опять – кофе, сок... Корейца не было. К девяти вечера чувство утекающего

бесполезно времени стало невыносимым, я пошла в кабинет корейца, перелистала календарь, обнаружила, что последняя страничка вырвана, заретушировала простым карандашом следующую, выписала проступившие цифры – одна получилась невнятной, имя «Адели» и – быстрым росчерком под именем – 19 00. Там еще, вероятно, был и адрес, но возиться с ним не хотелось, да и к чему мне знать, где именно кореец проводит время с женщиной по имени Адели, пока я дрожу на пропахших хлоркой простынях изолятора!

Минут через двадцать злобное раздражение уступило место хандре, и мне пришлось раз двадцать повторить самой себе, что я – самая умная и сообразительная, прежде чем хандра сдалась.

Непонятная цифра может быть тройкой, восьмеркой, девяткой...

С тройкой никто не брал трубку, с восьмеркой это оказался телефон бани (женское отделение), я была предупреждена, что «уже уходят последние мытые», а с девяткой я попала в кафе.

Вот это новость! Кореец, оказывается, водит некоторых женщин в кафе. А может быть, он это делает специально, чтобы насмерть потом поразить их желудок и воображение собственной изысканной кухней?.. Умирающим голосом я попросила бармена поискать в зале корейца по имени Гадамер и сообщить ему о несчастье в семье. Трубка стукнула, я услышала – отдаленно – музыку и зычный голос, вызывающий «корейца Гадамера».

– Никто не признается корейцем, – ответила трубка. – А что за несчастье такое?

– Его падчерицу выпустили из тюрьмы.

Ладно, начнем сначала. Менять цифры от единицы до десяти, или... Такое исследование методом тыка показалось мне страшно унылым, я расслабилась, подумала, что эта закорючка, проступившая под зарисовкой своей более светлой выпуклостью, может быть пятеркой, у которой хвостик написан был легким росчерком, недостаточным по силе, чтобы продавиться на следующую страницу, набрала номер телефона с пятеркой, услышала старческий уверенный голос, который с отчаянием одиночества сообщил, что Адели пошла в театр.

Я посмотрела на часы.

К полуночи, когда кореец вошел в квартиру, его ждал накрытый стол, свеча на этом столе и примерная девочка с учебником по философии рядом с пустой тарелкой на салфетке.

– Что ты читаешь? – он совсем не удивился или удивился, но не подал виду.

– О бессознательном, – честно ответила я. – Я хочу понять, почему вдруг за одну секунду могу представить и понять очень много всего, а иногда за целый день не в состоянии решить задачу по химии.

– Поняла? – кореец пытался стащить шарф, для чего оттянул в сторону его конец, и стал задыхаться.

Он был пьян. Вот это неприятность, черт бы его побрал. С пьяным говорить не о чем, а время уходит!

– Я поняла, что бессознательное проявляется в импульсивных действиях, а сознательное всегда имеет цель. Правильно? – нужно выяснить степень его вменяемости.

– Детка, не захламляй мозги, – кое-как справившись с длинным шарфом, посоветовал кореец. – А уж если ты занялась этим, то для начала научись систематизировать знания. Систе-ма-ти-зи-ро-вать! – продекламировал он по слогам, а на последнем – стукнул по столу кулаком. – Что это у тебя тут? – открыв крышку сотейника, он некоторое время удивленно таращился на курицу. – Бессознательное, оно, понимаешь, оно бывает разное. Вот, к примеру, ты вытираешь свою грязную попку после того, как покакала. Ты это делаешь автоматически, то есть неосознанно, потому что это действие формировалось у тебя в мозгу под контролем сознания, оно формировалось, формировалось...

Я встаю, подхожу к усевшемуся за стол корейцу и пытаюсь снять с него длинное пальто.

– Да! – вдруг дергается он и грозит мне пальцем. – А когда оно окончательно сформировалось, твое сознание как бы перестало заниматься этим действием...

– Каким действием? – я с силой тяну на себя рукав.

– Вытиранием грязной попки, ты что, не слушаешь? Это действие стало автоматическим, сознание больше не работает над его функцией. У маленьких детей, к примеру, нет ранее осознанных действий, им ко всему приходится привыкать впервые, а с возрастом человек сталкивается с настоящей проблемой – неосознанный мир!.. – Тут кореец встал и развел руки в стороны, чтобы показать необъятность этого самого мира, и мне удалось стащить второй рукав. Пальто упало на пол. – Неосознанный мир, твои неизвестно откуда появившиеся страхи и никогда ранее не проявляющиеся желания насильственно вторгаются в тебя! Что это валяется на курице? Желто-синюшного цвета...

– Это маринованные сливы. Я запекла курицу с маринованными сливами и базиликом.

– Фу!.. – отвернул лицо кореец.

– Ничего не «фу»! Очень даже вкусно. Зачем ты напился?

– Бессознательно, – осклабился мой отчим, вероятно, сочтя такой ответ очень остроумным. – Поступок считается сознательным, когда он является выражением замысла или определенной цели. А у меня не было этого самого замысла, ну абсолютно!

– Ладно, не огорчайся. Вот послушай, тут написано. – Я прочла, водя пальцем по страшице: – «Абсолютной меры сознательности нет!..»

– Она меня еще учить будет! – возмутился кореец, взял бокал и посмотрел сквозь него на свечу. Потом на меня. Его странно преобразившийся сквозь стекло глаз проплыл чудовищной продолговатой рыбкой.

– Ты напился в театре, – укоризненно заметила я.

– Нет, – не удивился кореец. – После. Я был на балете какого-то француза, и ты только представь! Оказывается, Германн в «Пиковой даме» умер от любви к старухе! У него разорвалось сердце от неестественной животной страсти, а совсем не от тройки-семерки-гуз! Детка, извини, мне надо в ванную... Нет, не ходи за мной, я буду блевать, как это ужасно все-таки, как это глупо...

Когда он вышел из ванной, в халате и с мокрыми волосами, взгляд его стал более осмысленным.

– Ты напился от отвращения?

– Мне вчера приснилось, что ты умерла.

– Не дожدهшься.

Напольные часы пробили один раз. Мы посмотрели на циферблат, потом – друг на друга.

– У тебя остался один свободный крюк, да? Восьмой? Чувствуешь приближение конца? Ты ведешь в театр женщину, а она тебе не нравится, потому что тебе нравлюсь я, и ты пьешь потом в какой-то дешевой забегаловке, чтобы опуститься до блевотины, ты, который так ценит хорошие вина!

– Какой крюк? – искреннее удивление в опухших глазах. – Что ты несешь?

– Ты меня не получишь!

– Иди спать.

– Я тебя уничтожу!

– Выпей успокоительное. Запрись на ключ. Подвинь к двери комод! – Отчим подошел, взялся за подлокотники кресла, на котором я сидела, приблизил лицо к моему и закончил шепотом, дохнув запахом зубной пасты: – Я проберусь по стене летучей мышью! Я повелитель ночи! – Потом вздохнул и закончил устало: – Лиса, иди спать.

Утром я получила чашку кофе в постель и виноватый взгляд в придачу.

– Сегодня суббота, – сказал отчим, – если тебя не ищут, давай гулять и веселиться.

- Ищут?
- Если ты не сбежала, а отпущена официально.
- Помнишь медсестру, которая тебя перевязывала?
- Да. Нет... Помню, что была медсестра, помню, что она меня волокла в машину, а какая она – не помню.
- Она молодая и почти блондинка. Давай найдем ее и поблагодарим.
- За что?
- Она хорошо написала обо мне в объяснительной следователю, честно. И про то, что я предупредила доктора, и про соседку. Напиши она чуть-чуть по-другому, меня бы не выпустили.
- Ладно, – кивает, подумав, кореец, – а как?
- Я беру с тумбочки листок бумаги.
- Вот, вчера узнала на «Скорой». Ее зовут Мазарина Рита. Она сегодня дежурит. Купим конфеты и розы, встретим после работы.
- Давай все-таки позвоним и договоримся.

«...не говоря ни слова, схватил ее за пояс, поднял и, посадив на лошадь, увез к себе в замок.

– Я хочу, чтобы ты была моей женой. Ты больше не выйдешь из моего замка...»

В половине пятого, хрустя целлофаном, укрывающим безобразные высокомерные розы, мы сидим на скамейке в сквере, и я начинаю сомневаться в правильности того, что затеваю. По аллее идут женщины, я устала угадывать, она это или не она, кореец откровенно зевает и посматривает на часы, и, конечно, мы совсем не обратили внимания на подъехавшую с мигалкой «Скорую». Кореец увидел ее первым и ткнул меня в бок локтем. Рита Мазарина бежала к нам от машины, сквозь полы ее пальто белел халат, она оказалась небольшого роста, с узкими, изящными ладошками, почти без косметики на возбужденно-радостном лице, с глазами, заблудившимися на лице корейца с таким восхищением, что он удивленно покосился на меня. Я подмигнула.

– Вам... уже... лучше?... – выдохнула Рита.

Теперь я толкнула корейца, и розы торжественно закрыли ее заалевшее лицо, и я подумала, что для сестры братьев Мазарини она слишком хороша собой, но тут заметила стрелку на ее чулке – от носка туфли вверх – и раздосадованно предложила пойти куда-нибудь посидеть.

– Ой, нет, – испугалась медсестра, – я не одета, я после дежурства!..

– Тогда поехали к нам пить чай с конфетами, – я потрясла коробкой и подумала, что все происходит слишком быстро и становится скучно.

– А давайте я вас приглашу в наше кафе. Здесь недалеко, кофе варят отличный, и обстановка без претензий.

Что это такое – без претензий, мы с отчимом поняли только на месте. Из сидящих в зале за столиками посетителей больше половины были в белых халатах, пальто вешали на вешалки у каждого стола, чтобы подошла официантка, громко кричали «Тоня!», но кофе в большом кофейнике оказался ничего себе, и я открыла коробку с конфетами.

Прислушиваясь к разговорам рядом, я наблюдала за корейцем и с удивлением отметила его растерянность. Он, бедный, так привык ухаживать, убеждать, завоевывать, доказывать свою неотразимость и уникальность, что просто опешил перед искренним восторгом уже заранее на все готовой Риты Мазариной. Тогда я подумала, что счастливые соседи семьи Мазарини никогда не узнают, что это такое – симфонический джаз в два часа ночи.

И ошиблась. Рита Мазарина с братьями не жила, но в тот субботний вечер, когда кореец галантно открыл перед ней дверцу своей машины, она попросила подвезти ее как раз к братьям.

Мы, конечно, не знали, что два часа спустя она, красная и злая, хлопнула дверью подъезда на Кутузовском и уехала к себе в общежитие медиков на автобусе. Через два дня мой отчим подъехал по этому адресу ночью, в два сорок, со сводным оркестром похоронного и свадебного джаза. Музыканты, как обычно, разместились во дворе, грянули по темным окнам мощнейшей какофонией, дождались, пока большинство из этих окон зажглось, перешли на лирическое подвывание саксофона, а в квартире братьев Мазарини как раз в это время шли сложные переговоры с употреблением ненормативной лексики и огнестрельного оружия, и выступление оркестра под окнами несколько разрядило накалившуюся обстановку, потому что закончилось стрельбой из окон по разбегающимся в панике музыкантам.

– Почему ты повез туда оркестр? – удивилась я, заклеивая корейцу разбитый лоб, а колени он обработал сам.

– Я узнал по адресу, она там прописана, за шоколадку в ДЭЗе я узнал, куда выходят окна ее квартиры, я никогда не делаю что-то просто так!

– А если бы тебя подстрелили? – мечтательно предположила я.

– Я сразу упал на землю, – кореец промокал ваткой разбитые колени. – Господи, мне сорок шесть лет, что я делаю?!

В ту ночь я подробнейшим образом рассмотрела все его тело.

Так, на всякий случай, чтобы решить раз и навсегда, нужно мне это тело или нет. Хотя... если быть абсолютно честной, чтение учебника в ожидании корейца тоже оказало на мой поступок большое влияние. Я как раз перед приходом отчима дочитывала главу о Фрейде, и меня удивил его взгляд на культуру. Меня вообще-то удивляют все его взгляды на все абсолютно. Отчим обожает Фрейда, а по-моему, тот совершенный псих. Но тем не менее Фрейд считал, что культура человечества была создана за счет удовлетворения влечений или их неудовлетворения. При этом он подробно объяснил, к чему может привести неудовлетворение именно сексуальных влечений. В этом случае объект (то есть я, к примеру) может направить всю скопившуюся от неудовлетворенного сексуального влечения энергию на уничтожение субъекта (то есть отчима, к примеру) либо на подавление собственной личности, что может привести к тяжелым физическим последствиям и для субъекта, и для объекта. И мне нужно было срочно понять, не присутствует ли в моем желании уничтожить корейца хоть малейшая доля скрытого сексуального влечения?!

Он спал. Лежал голый на большой супружеской кровати, на спине, расставив ноги, раскинув руки, и я, мысленно поместив его тело в окружность, отметила идеальную пропорциональность ухоженного мужского тела, как на известном рисунке Леонардо. У корейца нет волос на груди, нет под мышками и даже в паху. Наклонившись, я постаралась в слабом свете ночника разглядеть, выбриты они или отсутствуют генетически. Разглядывание спокойного спящего члена заняло много времени. Я смотрела на него сверху и сбоку и со стороны расставленных ног. Однажды я видела член корейца в возбужденном состоянии – он играл голый с голой тетушкой Леони в прятки, забыв обо мне, сидящей на унитазе с книжкой. Резко открылась дверь туалета – не сработала защелка в поворачивающейся ручке, или я забыла ее повернуть, кореец еле удержался, чтобы не ткнуться в мое лицо низом живота с покачивающимся символом мужской мощи, отшатнулся, и дверь закрылась.

Я помню потом сосредоточенное лицо тети Леонидии, закручивающей шурупы огромного шпингалета. Она, ничуть не смущаясь, поинтересовалась, не слишком ли я испугалась, и предложила посмотреть иллюстрации к «Лисистрате». Чтобы совместить все детали, ей пришлось обрисовать карандашом на двери туалета и сам шпингалет, и крепление для высовывающегося стержня, все это делалось тщательно, с ужасно серьезным видом, за это время я рассмотрела в альбоме Бердслея множество мужских членов размером больше своего хозяина,

и крошечных, как недоразвитый дождевой червяк, но все равно шпингалет потом закрывался с трудом.

Вывод: никакого сексуального удовольствия разглядывание голого корейца мне не доставило. И вообще, у него бородавка на левой щиколотке, какая гадость!..

Первый раз Рита осталась ночевать у нас через десять дней после свидания в сквере.

Я встала ночью, хотя обычно со мной такого не происходит. Не зажигая света, прошла на кухню, открыла холодильник и задумчиво осмотрела его содержимое. Есть не хотелось, пить не хотелось, было грустно и тревожно. Стараясь двигаться бесшумно, прошла босиком по паркету в гостиную, чтобы затаиться там в кресле под слабым ночником и полистать альбом Дали, такой огромный, что в кровать его не затащишь, и заметила, что кресло занято. Испугавшись, бросилась к двери, зажгла свет.

– Выключи! – скривился кореец, дождался темноты и пожаловался: – Девственница. Ты только подумай, женщине двадцать шесть лет, разве я мог себе представить? Быть девственницей в двадцать шесть лет! И, естественно, все вытекающие отсюда шаблоны поведения – только на спине и только с выключенным светом! За что мне такое наказание?

– А где она?..

– В спальне. Плачет от боли или смеется от счастья, я не понял. Я уже забыл, как это бывает, отчего обычно в этих случаях девушки обливаются слезами.

На такую удачу я и надеяться не могла. Непорочная сестра братьев Мазарини, потерявшая свою девственность не в браке!..

– Теперь ты, конечно, на ней женишься? – осторожно поинтересовалась я, подбираясь к нему поближе и зажигая ночник.

– Мне все равно, как она захочет, – зевнул самонадеянный отчим.

– А ты что-нибудь знаешь о ее семье?

– Конечно, Лиса, я знаю почти все о ее семье, – назидательно произнес кореец. – Неужели ты думаешь, что я затащу женщину в постель, не поинтересовавшись ее финансовым положением?! У нее два брата, занимаются официально бизнесом, родители умерли, особняк в Челябинске на ее имя, два процента акций известного металлургического предприятия, квартира в центре Москвы, купленная братьями, которой она не пользуется, и диплом врача через полтора года.

– Так ты женишься или нет?

– Не приставай, Лиса. Конечно, я женюсь, если эта восторженная страдалица согласится подписать брачный договор и счастливо скончается к твоему совершеннолетию. Шутка, – мрачно добавил он, заметив мой горящий взгляд.

– А что тебе больше всего в ней нравится? – я села на ковер рядом с креслом.

– У нее умелые и ласковые руки, отличные лапки лекаря.

Я сразу же представила две отсеченные ладошки Риты Мазариной. Но от такого не умирают...

– Нежная кожа, очень белая, – в полудреме продолжил кореец, – крошечные ступни, не то, что твои...

Если содрать с тела больше сорока процентов кожи, человек умирает, я читала.

– Ты случайно не в курсе, меня вызывают на психологическое освидетельствование? – вдруг спросил кореец.

– Ничего страшного. Я его уже прошла. Ты должен хорошенько подготовиться и поразить воображение психиатра Пенелопы.

– Пенелопы? Это имя или диагноз?..

«Сеанс начат в пятнадцать тридцать. Сегодня четвертое ноября. Гадамер Шеллинг, сорока шести лет. Вдовец. Подождите... садитесь здесь, во время разговора не отходите от магнитофона. Вот так. Пенелопа? Это мое имя, данное мне при рождении, могу показать паспорт. Кстати, вы, как я знаю, решили изменить свое имя в двадцать три года?

– Для женщины все в жизни проще, а вот мужчине с именем Су Инь или Кем Ун проблемно было бы получить хорошую работу. Не думайте, что с новым именем мне очень повезло, самый распространенный вопрос, после того как человек справлялся с ударением, был – не еврей ли я. Узнав, что кореец, все вздыхали с облегчением.

– Каким видит себя со стороны мужчина, семь раз побывавший в браке?

– Ах, это вам не дает покоя? Хорошо. Мужчина со здоровым телом, привлекательной внешностью, образованный, аристократ внешне и боец внутри имеет право устраивать свою жизнь так, как это ему кажется наиболее приятным. Знаете, мне трудно с вами об этом говорить....

– И почему же?..

– Пенелопа Львовна, вы меня не поймете и примите это за уверенность глупца. Вы не поймете, потому что только человек Востока сможет понять радость мужчины, не оставшегося одиноким после смерти любимой женщины.

– Вы не только тут же находили себе следующую любимую женщину, но и изрядно увеличивали собственное имущество.

– Глупец, потерявший любимую женщину и опустившийся до нищеты, достоин жалости и презрения, что, впрочем, одно и то же.

– А как вы объясняете смерти своих жен?

– Судьба была ко мне неблагосклонна, обрекая на одиночество и отчаяние, но я противостоял ее испытаниям.

– Как трудно с вами говорить...

– А мы еще с вами не говорили. Вы задаете вопросы, я отвечаю. Пенелопа Львовна, хотите я вам скажу, зачем вы меня пригласили? Вы решили поговорить со мной о падчерице. Могу сразу же перейти к концу этого разговора. Это не ваше дело.

– Что именно?

– Эта девочка – лучший подарок судьбы, я ее никому не отдам, она принадлежит... или будет принадлежать только мне. Предупреждая следующий ваш вопрос, отвечаю: я добьюсь этого только терпением и выдержкой. Я уже сейчас обожаю ее всей душой, но не могу пока испугать удовольствиями взрослого тела.

– А вы ее не боитесь?

– Смешно. Я ценю все ее попытки уничтожить меня, вернее, то, что она считает в данный момент злом. Я самый лучший и самый правильный воспитатель, потому что воспитываю для себя будущее счастье и благодаря восторгу перед красотой девочки проявляю такие чудеса терпения, которые недоступны просто родителям. Что касается раны, которую она нанесла мне ножом... Это ерунда, ребенок должен иногда давать выход своей ненависти, и затаенные планы переустройства жизни должны осуществляться хотя бы частично, чтобы он не подорвал психику тайным противостоянием или не преступил закон. Что?.. Почему вы улыбаетесь?

– Знаете, я впервые встречаю подобное отношение отца к дочери. Но вы – не отец, а она – не дочь. В этом вся разница. Родной родитель многое не позволяет, и ребенку приходится добиваться самостоятельности, а не глотать ее огромными порциями. Мне смешна ваша уверенность в себе. Вседозволенность применительно к Алисе ведет к тому, что она наловчилась хитрить, а сами вы потеряли проницательность. Потенциал борца, который у родных

детей уходит на сопротивление диктату родителей либо на преодоление жизненных проблем, у Алисы целиком направлен на ваше уничтожение.

– Вы что-то сказали о хитрости?..

– Да. В тот день, когда Алиса напала на вас, произошла трагедия.

– Ерунда это, а не трагедия. Она меня регулярно пытается отравить, согласен, я виноват, в тот день мне надо было подыграть ей, отпить из бокала, скорчиться на полу в судорогах, а я тупо изображал из себя простофилю и довел ее до отчаяния.

– Врач «Скорой помощи», некто Синельников, скончался в результате так называемой ерунды.

– Это трагическая случайность, согласен, это беда, но беда случайная.

– Ваша пятая жена, тетя Алисы, умерла от перитонита – неудачная операция аппендикса. Ваша шестая жена, мама Алисы, умерла после повторной операции на почке...

– Это вы сменили тему?

– Нет. Я пытаюсь вам объяснить, что в тот день произошло в вашем доме. Видите, это распечатка звонков вашего телефона. Обратите внимание, в семь тридцать утра был звонок по 03, потом еще один – в семнадцать двадцать. Следователь Лотаров, расследующий факт смерти врача Синельникова, провел следственные разработки. Ваша падчерица Алиса на его вопросы о звонках в «Скорую» путано объяснила, что сама не помнит толком, зачем звонила, да, она якобы хотела вас отравить давно, но почему-то при этом узнавала заранее, как скоро приезжает машина и как правильно оказать первую помощь. Обратите внимание, это ее поведение на суде зачтется как смягчающие обстоятельства. Диспетчеры «Скорой помощи» таких вопросов не помнят, зато одна из диспетчеров вспомнила, что интересовались именами дежурных врачей и спрашивали, есть ли среди них хирург. Ей ответили, что хирург выезжает только в случаях ранения или нанесения тяжелых увечий. Даже острую боль живота смотрит дежурный терапевт, а вернее, на дому живот не диагностируют.

– Вот видите, у Алисы все это на грани игры – отравлю и сразу же вызову «Скорую».

– Вы меня плохо слушали? Алиса в тот день точно знала, что дежурит хирург Синельников.

– Бред!..

– Да. Это мой личный бред, бред психоаналитика. Давайте представим, что я слишком поддалась профессиональному анализу и перешла грань нормальности в суждениях. И я вам заявляю: Алиса хотела убить хирурга Синельникова, и она его убила.

– А если бы приехал не он?!

– Могла, конечно, сработать случайность, и сразу несколько людей получили бы в тот вечер ножевые или огнестрельные ранения, Синельников выехал бы на другой вызов... Кстати, я вдруг подумала, у вас есть оружие?

– Подождите, а если бы я выпил все из бокала?

– Не хочу вас огорчать, но, по моим предположениям, вы бы оказались под воздействием сильного снотворного, но все равно с ножевым или пулевым ранением. Я же вам сказала: Синельников выезжает только на членовредительства.

– Какое снотворное?! В бокале был яд, от него и умер хирург!

– Не кричите. Употребите, пожалуйста, всю вашу восточную отрешенность и невозмутимость, это тот самый момент, когда их нужно употребить. В вашем доме был произведен обыск. Бокал, из которого пил хирург, изъят. Умеете считать до шести? Ладно, не злитесь. Приедете домой, посчитайте бокалы. Да-да, те самые высокие бокалы с тяжелым доньшком в виде восьмиугольника.

– Вы что, с ума сошли?

– Хороший вопрос психоаналитику. Нет, спасибо, я здорова. Но почему-то мне кажется, что у вас дома теперь осталось не пять, а только четыре таких бокала.

– Ничего не понимаю!.. Почему – четыре? А сколько должно быть?

– Бокалов обычно бывает два, три или шесть. Один забрал следователь на анализ, сколько должно остаться?

– Я понял, это я сошел с ума. Вы намекаете, что в бокал, из которого должен был пить я, Алиса подсыпала снотворное, и она бы все равно меня, уснувшего, порезала, так? Чтобы дожидаться приезда «Скорой помощи» с хирургом... как его там? Да, Синельниковым, и отравить его из другого бокала.

– Если бы вы уснули, ей не пришлось бы выбрасывать ваш бокал в окно, она бы его вымыла и приготовила другой коктейль для хирурга.

– А следователь слышал этот ваш бред?

– Нет, и никогда не услышит, если вы не хотите, чтобы девочка оказалась в тюрьме. И потом... это же только мои предположения, это недоказуемо. Как узнать, сколько этих самых бокалов было в доме? Не разбил ли кто год назад случайно один из них?

– И вы меня пригласили, чтобы рассказать вот эти ваши предположения? Зачем?

– Нет. Я вас пригласила, чтобы предупредить. Вы слишком заигрались с девочкой. Уже давно надо было продемонстрировать ей, что это такое – здоровая мужская похоть, вызвав тем самым либо сопротивление, либо ее согласие, а не подавлять свою и ее сексуальную энергию видимостью простого отцовского обожания. Вы не стали с нею близки, поэтому нет никакой надежды на ее сострадание или жалость. Ваша участь решена. Водички?

– Нет, спасибо, это у меня нервное... Я ничего не понимаю. Если Алиса не собирается меня убивать, о чем вы все время предупреждаете?

– Собирается и еще как собирается! И сделает она это, как и в случае с хирургом – совершенно безнаказанно, иначе игра будет несостоятельной. В конце игры должен быть приз либо чувство удовлетворения, а не наказание за содеянное. Это же вы внушали ей с десяти лет, что все человеческие поступки – это только игры. «Ребенок – Взрослый – Дитя» – она хорошо это усвоила. Вы самонадеянно решили, что самая интересная книжка для десятилетней девочки на ночь – это «Игры, в которые играют люди» Берна?! Поздравляю. Вы – следующий.

– Следующий?..

– Хирург, по мнению Алисы, был виноват в смерти тети Ираиды и матери. А вы убили тетю Леонидию. Бедная, бедная Леони, так, кажется, ее называла Алиса? Куда же вы, Гадамер? Подождите, я могу вам помочь, меня не интересует убийство Леони, да подождите же, черт бы вас побрал, ну вот... Порвала колготки. Сеанс... Импульсивный идиот! Сеанс окончен в шестнадцать сорок».

Отчим ворвался в квартиру слишком рано для его обычных приходов – в шестом часу, бросился в кухню, стал рыться в шкафах и ронять посуду на пол. Забравшись в стол, он разбил две тарелки и мою кофейную чашку. Я завопила что есть мочи, собирая осколки чашки, кореец нервно извинился и потребовал поставить на стол все высокие бокалы для сока. Я оттеснила его от стола и предложила разбить супницу, а бокалы не трогать, все равно это смешно – переливать суп из кастрюли в супницу, а потом – из супницы в тарелку. Но ему потребовались именно бокалы! Принюхавшись и не обнаружив запаха спиртного, я спросила, где он был. Оказывается, на сеансе у Пенелопы. «Полтора часа идиотского бреда», – так он это назвал. Мне бы научиться за полтора часа трепать доводить взрослого мужчину до такого исступления! Достала бокалы. Отчим выстроил их в ряд, два раза пересчитал, поменял местами, опять посчитал. Считай, не считай – бокалов всего четыре. Жалобно заявил, что должен быть еще один бокал. Именно он ему и нужен. Ну, Пенелопа, я тебе это припомню! Нет бокала, нет его, и все! Как это – все? Разбили. Давно. Леони разбила или он сам. Ах, он не помнит, чтобы разбивал бокал? Это было в прошлый Новый год, напился и разбил! Ладно, ошибочка вышла, в прошлый Новый год мы были в его родовом гнезде, под Тверью, там другие бокалы. Значит, в позапрошлом.

Хорошо-хорошо, я сознаюсь, это я разбила нечаянно бокал, и если он не перестанет орать, разобью остальные четыре!

После такого заявления отчим посмотрел на меня взглядом удава, оценивающего размеры ужина, и задумчиво подошел к окну. Открыл створку, свесился, потом, ни слова не говоря, выскочил из кухни и хлопнул входной дверью. Ну, Пенелопа!.. Я старалась как могла, неужели в разговоре с нею что-то проскочило? Я стала вспоминать все мною сказанное тогда на сеансе.

Я не знала, куда пошел кореец, об этом я узнала позже, когда встретила соседку со второго этажа и та поинтересовалась, нашел ли мой отец портмоне, которое у него выпало из кармана, когда он наклонился из окна? Оказывается, он лазил на козырек крыши! Окно соседей со второго этажа выходит как раз на козырек, который нависает над входом в подъезд. Кореец прикинул, что, если выкинуть бокал в кухонное окно, тот грохнется как раз на козырек, и решил поискать бокал или его осколки, объяснив соседям свои действия поисками упавшего из окна портмоне. Наивный.

Первое, что я сделала, когда пришла домой после изолятора, свесилась из кухонного окна... и пошла к соседям на второй этаж. Интересно, они сказали ему, что я вылезала недавно на козырек за блокнотом?.. Наверное, сказали, потому что домой он не пришел, я заснула за полночь, отчима все не было (черт бы побрал эту Пенелопу!), еще сбежит, чего доброго, ищи его потом по всему свету...

Но кореец вернулся, я этого не слышала и увидела его уже на полу в коридоре, лежащего в своем утреннем кимоно на животе.

Дело в том, что утром к нашему подъезду с громким визгом тормозов подкатили два джипа. Из них вышло много мужчин в одинаковых одеждах, с одинаково отсутствующими шеями, и сначала я подумала, что во дворе будут снимать фильм, и несколько минут искала глазами тележки с камерами. Тележек не оказалось, зато тут же возникла «массовка» – полукругом собравшиеся ранние зеваки в ожидании «разборок».

Когда позвонили в дверь, я стояла коленками на подоконнике в длинной ночной рубашке, еще совершенно расслабленная после сна, изучая обстановку во дворе. Поэтому когда звонок стал долдонить беспрерывно – мелодичные удары гонга, – к двери подошел кореец в своем утреннем кимоно. Утреннее кимоно корейца – это желтые хризантемы на фиолетовом шелке. Почти минуту он смотрел в глазок, не понимая, что там такое чернеет, а это было дуло пистолета, приставленное с той стороны двери к линзе. Обычно кореец предельно осторожен, но тут открыл дверь на ширину цепочки, потому что еще не совсем проснулся и от любопытства. Цепочка была тут же сорвана мощным ударом, а кореец повален на пол и обыскан. Два человека из джипов быстро обошли квартиру, я слезла с подоконника, вышла в коридор и увидела лежащего на полу корейца (на животе, руки на затылке) и стоящих рядом с ним братьев Мазарини, повторяющих друг друга, как в кривых зеркалах. Тот, что был слева от корейца, тут же уставился на меня и нервно вытер ладони о полы пиджака. Тот, что справа, заметил этот жест и погрозил брату пальцем.

Помощников, обыскивающих квартиру, братья выслали во двор (я слышала, как один из них шепнул, что «это дело личное, семейное»), корейца подняли с пола, отнесли под руки в гостиную, потребовали показать паспорт, изучили документ с медлительностью и тщательностью участкового с незаконченным средним образованием, после чего мне было приказано одеться поприличней («...а то брат нервничает!») и принести пиво.

– У нас нет пива, – развела я руками. – Хотите сока?

Правый брат начал возмущаться и говорить: «Так не бывает, чтобы в приличном доме – без пива!», а левый только нервно вытирал рот рукой и сглатывал.

– Или оденься приличней, или разденься совсем, или сейчас дождешься! – повысил голос правый брат.

– Не смейте трогать ребенка! – возмутился отчим.

Я ушла к себе, сняла прозрачную ночную рубашку и оделась за сорок секунд (рекорд). Осмотрев меня в облегающих джинсах и свитере с высоким воротом, правый брат кивнул, а левый судорожно вздохнул.

Нас усадили за стол, сами братья сели напротив нас. К этому времени они перепутались, но я безошибочно угадала левого по масленому взгляду, которым он уставился в мое лицо. Его более стойкий к прелестям недозревших девочек брат, сосредоточенно сопя, покопался в карманах и выложил на стол маленькую коробочку. Открыл ее и вывалил кольцо. Золото и большой прозрачный камень.

– Она говорит, что любит тебя, – заявил брат, любуясь кольцом.

Кореец пожаловался на головную боль и попросил разрешения выпить чего-нибудь. Он старался изо всех сил, но ничего не понимал.

– Блин, я же сразу сказал девчонке принести пива, я же сразу по запаху твоему это сказал! – вдруг возмутился брат и стукнул кулаком по столу.

– Алиса, – попросил кореец, – принеси коньяк и кофе.

Я встала, левый брат тоже привстал, но был силой усажен на место.

Руки трясутся. Неужели они договорятся? Нет, я этого не вынесу, еще ждать больше двух лет, пока отчим угробит медсестру?! Он же не шестнадцатилетия моего дожидаться будет, он же по правилам приличия, чтобы не было лишних вопросов, дотянет до моих восемнадцати! А к тому времени, глядишь, и боевой задор, и ненависть к нему во мне иссякнут потихоньку с полным созреванием главного женского органа – матки. Неужели они договорятся?..

– Господа, – уважительно произнес кореец, как только выпил первую маленькую чашечку кофе и рюмку коньяка под выжидательное сопение братьев, – чем могу помочь? Вы меня ни с кем не спутали? У нас этажом выше коммерсант живет, если не ошибаюсь, машинами торгует...

– Завтра поженитесь, – перебил его один из братьев.

– А вы уверены, что невеста согласна? – покосился в мою сторону кореец, прося о помощи.

– Она сказала, что любит тебя, хотя я не понимаю, как можно любить китаезу, – мрачно заявил другой брат, а я показала глазами ничего не понимающему отчиму на окно.

Он потер лицо ладонями и уставился на окно с удивленным отчаянием. Посмотрел на меня. Я кивнула. Опять – на окно, пока узнавание не изменило его напряженное лицо. Ну, наконец-то проассоциировал! На подоконнике стояли в синей вазе желтые хризантемы. На них я и кивала. Рита, осмотрев все кимоно отчима (утреннее, в котором он сидит сейчас за столом, обеденное – желтые хризантемы на зеленом шелке, вечернее – белые хризантемы на черном шелке с золотой вязью иероглифов по низу рукавов и праздничное – желтые хризантемы на белом шелке), приходила к нам в гости теперь только с хризантемами, которые лично я считаю цветами похорон. А ей кореец после тех заветных роз в сквере цветов почему-то больше не дарил.

Откашлявшись и медленно вытерев лицо салфеткой, которую он потом долго складывал рядом с чашкой и рюмкой, кореец поинтересовался, где, собственно говоря, виновница такого торжественного сватанья, где Маргарита?

– Я тебе покажу сватанье, – привстал один брат. – Сватают девицу непорочную, а когда ты ее уже насильничал, это не сватанье!

– А я все одно ему ухо отрежу, – поддержал другой.

– Я как раз собирался предложить Маргарите руку и сердце, – начал было кореец, но братья его перебили.

– Предложи ей свою квартиру, узкоглазый, – заявил один.

– И лодку, которая за границей! – подхватил другой. – А за плохое поведение подпишешь прямо сейчас бумаги на имущество, дарственную, значит. И если эта дура тебя хочет, пусть берет, свадьбу устроим мощную, пол-Челябинска позовем. Она сказала, что удавится, если мы тебя пальцем тронем, так что не вынуждай! Одевайся, едем к нотариусу, все подпишешь и – галопом с кольцом к невесте. Мы сами кольцо купили, а то подаришь какую-нибудь убогость обручальную, потом перед друзьями на свадьбе стыдно будет.

– Чего, нельзя было по-людски, да? – вступил другой брат. – Мы ж не звери! Приди к нам, прежде чем девку под себя запикивать, поговори чин по чину, с бутылкой, с бумагами на недвижимость, мы ж не против! Зачем так-то неуважительно?!

– Я очень рад, очень, – опустил глаза кореец, конвульсивно напряг пальцы, потом – резко – расслабил их, потом – опять напряг. Обычно он делает такие упражнения, прежде чем разбить ребром ладони три кирпича один на другом.

Поэтому я встала, собрала на поднос чашки и быстро ушла в кухню. У того брата, который сидел ближе ко мне, за поясом точно торчит пистолет. Прислушиваясь к разговору, осторожно открыла дверцу под раковиной, достала мусорное ведро.

– Я как раз собирался все обсудить с Ритой, я не знал, что родня играет такую важную роль в ее жизни, понимаете, мать там или отец...

– Сироты мы!

– Да, простите, я забыл, то есть, я не знал... короче, я уже подготовил брачный договор, чтобы все...

– Засунь себе в задницу свой брачный договор!

– Этот договор как раз оговаривает распоряжение совместным имуществом...

Я залезла под раковину и из-под труб, уходящих к стояку, вытащила сверток. Стараясь не шуметь, вылезла и повесила ведро на место.

– Не будет у тебя совместного имущества, лучше это сразу уясни, пока ты хорошо слышишь двумя *ухами*!..

– Но мы же цивилизованные люди, и я подумал...

– В другой раз, прежде чем девку лапать, думай, потом – не надо, потом думать уже бесполезно. Теперь мы думать будем, а ты – подписывать бумаги.

– Я могу повидаться с Ритой?

– Закинем тебя к ней после нотариуса, небось все глаза свои бесстыжие уже выплакала.

Послышался странный шум, упал стул, потом что-то грузное. Я быстро развернула дрожжащими руками сверток и взяла пистолет. Обойма никак не засовывалась, вдруг потекли слезы, и, когда отчим подошел сзади и взял меня за плечи, я дернулась и закричала.

– Детям нельзя трогать оружие, – он отобрал обойму и внимательно посмотрел мне в лицо. – Как ты нашла пистолет? Давно? Одевайся.

– Мы... Мы убегаем?..

– Убегаем. Надо затащить этих бегемотов в кладовку. И все. Убежим далеко-далеко.

– А у меня... Школа у меня, потом это... кружок... А! Вспомнила! У меня же подписка о невыезде!

– Не смейся. Ты когда последний раз в школе была? А с твоей подпиской я разберусь. – В незакрытую дверь его комнаты я вижу, как отчим скинул кимоно и голый достает со шкафа сумку.

– А куда мы поедем? – Пробежав по гостиной и стараясь не смотреть на лежащих на полу братьев, я ворвалась в свою комнату и стала запикивать вещи в рюкзак. – За границу? В Париж? Там тепло?

– Мы поедем в укромное место. – Отчим звонил по телефону.

– Там тепло или холодно, в этом укромном месте?

– Там безопасно.

На лестничной клетке кореец перевесился через перила и прислушался.

– Мы разве не полезем на чердак? – спросила я шепотом.

– Зачем? – удивился он тоже шепотом.

– Там на улице стоят еще шестеро, размером с братьев. Не будем уходить по крышам?

– Нет. Будем уходить через подъезд. Я сейчас поднимусь на последний этаж на лифте и заклиню его там. А ты вызови другой и постой в нем.

Страшно...

А вот, спрашивается, почему? Я не лишала девственности сестру Мазарини, она не влюблялась в меня до полного слабоумия (только слабоумная девушка, имея таких братьев, сразу же, на вторую неделю знакомства с мужчиной, честно все им рассказывает), я не имею ни дачи, ни квартиры в полной собственности, чтобы меня принуждать подписывать какие-то документы. Получается, я для этих братьев, сваленных в кладовке друг на друга, с обмотанными скотчем руками, ногами и челюстями, не представляю ну никакого интереса!

Уже не так страшно.

Спустился кореец. Заклинил второй лифт.

Мы сбегали по ступенькам – он впереди, его коротко стриженные волосы отдавали серебром, посеребренная макушка прыгала передо мной вверх-вниз, вверх-вниз...

Из подъезда мы вышли с озабоченностью опаздывающих людей. Кореец уверенно двинулся к ближайшему джипу и потребовал закинуть вещи в машину.

– А где Гоги, я не понял? – удивился здоровяк в синем с блестками пиджаке. Но сумку и рюкзак подхватил с исполнительностью слуги.

– Обшаривают квартиру, – кореец посмотрел вверх на наши окна. Остальные пятеро друзей братьев Мазарини тоже добросовестно задрали головы вверх. – Хоть бы окна не побили, ишь, как рассердились... – вздохнул отчим.

– Не, – покачал головой один, – сломать чего-нибудь могут, а окна – это вряд ли...

– Они просили найти во дворе коробку и помочь загрузить все вещи из квартиры, – отрапортовала я.

– Какую коробку?

– Сказали – побольше. Посмотрите за углом у магазина оргтехники.

Двое ушли за коробкой.

Как только они завернули за угол, раздался выстрел. Вероятно, кто-то из замотанных скотчем братьев дотянулся до пистолета и звал на помощь.

Оставшаяся четверка как по команде выдернула оружие.

– Они начали стрелять моих рыбок, они начали стрелять рыбок! – закричала я и совершенно натурально зарыдала, бросившись на грудь отчиму.

– Сделайте же что-нибудь, сейчас соседи милицию вызовут, – попросил отчим, сострадательно поглаживая меня по спине. – Не плачь, детка, я тебе другой аквариум куплю!..

Трое бросились в подъезд, выяснили, что лифты не работают, и их ругань была слышна до уровня пятого этажа.

– Ну что, поехали? – повернулся отчим к оставшемуся. – Сможешь рулить одной рукой?

– Почему одной?

– Другую я тебе сломаю, если будешь задавать вопросы.

Я страшно удивилась, когда узнала, что мы едем к нотариусу. И не просто к нотариусу, а к семейному адвокату братьев Мазарини!

– А может, не надо? – осторожно побеспокоилась я.

– Надо. Нас там Рита ждет, я ей позвонил. Никто, слышишь, никто на свете не посмеет мне диктовать свои условия игры!

– Я и не собиралась...

– Эти хорьки еще не знают, с кем имеют дело!

Эти самые хорьки – одного из братьев звали Гога (Игорь Анатольевич), а другого Гоша (Георгий Анатольевич) – через два часа узнали все и в подробностях.

– Как же мои Гоги удивятся! – восхитилась заплаканная от счастья сестра Мазарини (Маргарита Анатольевна), подписывая брачный договор, составленный отчимом.

– А вы точно уверены, что неприятностей не будет? – никак не мог успокоиться адвокат.

– Братья сами привезли мне вот это кольцо для сестры, – невозмутимо отвечал кореец. – Вы же знаете, Рита имеет третью часть общего капитала семьи, а следовательно, и право голоса. Она любит меня, и вам-то что беспокоиться? Вы так нервничаете, как будто не брачный договор подписали с полного – заметьте! – согласия невесты, а изменили завещание. В конце концов, совместное владение имуществом, это...

– Это, конечно, обычный договор, я понимаю, но завещательный аспект...

– Извините, адвокат, нам пора в загс.

У загса произошла некоторая заминка. Шофер – тот, который предпочел остаться с целой рукой и молчал как убитый и в дороге, и у адвоката, – возле загса заартачился. Кореец решил, что тот будет в торжественный момент стоять свидетелем со стороны невесты, а я, соответственно, свидетелем со стороны жениха.

– Можешь сразу меня пристрелить, – заявил шофер, истекающий потом на холодном ветру, – потому что все равно жизни не будет, когда братья узнают, что я вас сам и к адвокату свозил, и в загсе свидетельствовал. Хоть и под дулом пистолета... Поеду я уже, устал бояться, если хочешь, стреляй.

Вот почему со стороны невесты свидетелем оказался продавец из ближайшего киоска, у него же потом мы купили шампанское и пластмассовые стаканчики, и облившаяся пеной молодая жена поинтересовалась, что такое вообще случилось, куда мы спешим? Почему не дали позвать ее лучшую подругу и ночную смену «Скорой помощи» (там очень хорошие люди, очень!), почему не приехала из Челябинска тетя и где вообще белое платье с сорока шестью шифоновыми юбками и фата, что трепещет на ветру?

Кореец уверил Мазарину Риту, что каждый год в этот самый день ноября он будет последовательно одевать ее в платья с шифоновыми юбками, и фата будет волочиться по земле, как положено, и цвета этих платьев никогда не будут повторяться, но в перволетие платье будет законно белым, какое и полагается непорочной невесте и честной жене, это и будет сегодняшнее платье, которого нет на ней.

Я замерзла слушать этот бред и ушла с бутылкой в подъезд. И в подъезде, отпивая из горлышка, вдруг обнаружила не поддающуюся никакому разумному объяснению тяжелую и рыхлую грусть. Не хватало еще зареветь!

А освободившиеся от скотча братья Мазарини бросились к адвокату, который был их нотариусом и работал в арендованном ими офисе, и ездил на подаренной ему братьями иномарке. Адвоката спас большой дубовый стол, под который тот залез, спасаясь от неистовства Мазарини. Братья пытались его достать ногами, потом минут десять по очереди тыкали ножками стула, много раз хватались за оружие и, чтобы разрядиться, палили по головам великих мыслителей (всего голов в кабинете было шесть), головы разлетались осколками, но одна – голова Аристотеля – оказалась бронзовой, и пуля срикошетила, взвизгнув. Братья бросились животами на пол и минуты через три лежания понемногу успокоились. Они лежали и смотрели на забившегося под стол адвоката.

– Как ты мог подписать такую лажу? – спросил Гога, подползая к им же скомканным и брошенным на пол в начале выяснения отношений листам брачного договора. Расправив кое-как слегка порванные листы, он, лежа на животе, показал тоже лежащему рядом на животе

брату пункт 5 и все подпункты – 5.1, 5.2, а на подпункте 5.3 слегка застонал. – Ты посмотри на право наследования, как же это может быть, как ты пропустил такое?!

Братьев больше всего беспокоил пункт о правах наследования в случае кончины кого-либо из супругов. По этому пункту в случае внезапной кончины Маргариты Мазариной все ее имущество достанется законному мужу, а в случае внезапной кончины корейца все его имущество, а также совместно нажитое, завещается несовершеннолетней Алисе Катран.

Адвокат осторожно вылез из-под стола, подполз на четвереньках к лежащим братьям и жалобным голосом оправдывался:

– Я восемь раз указал на этот пункт Маргарите Анатольевне, восемь раз просил обратить внимание, сам ее супруг согласен был переписать пункт 5.3, как того пожелает ваша сестра. И если захочет, чтобы ее родственники наследовали, «пусть наследуют!» – говорил... говорил... простите, я где-то записал, я никак не могу запомнить это имя... – адвокат тяжело поднялся и стал рыться на разоренном столе в поисках первого листа брачного договора, где можно было найти имя супруга Маргариты Анатольевны.

– И что сестра? – устало поинтересовался Гоша.

– Она сказала... Она сказала... вот, нашел! Гадамер Шеллинг!

– Не понял! – обеспокоился брат Гога.

– Вашего зятя зовут Гадамер Шеллинг. А Маргарита Анатольевна сказала, что муж в семье – главный, пусть он сам решает, кому чего по наследованию достанется, ей все равно.

Впервые услышав имя корейца (при разглядывании паспорта они были заняты в основном его возрастом, пропиской и наличием штампа о браке и как-то не обратили внимания на имя), братья посмотрели друг на друга с отчаянием.

Адвокат нашел спрятавшегося секретаря, секретарь медленно, по слогам, прочел брачный договор, подписанный Мазариной Маргаритой Анатольевной и Гадамером Шеллингом (всего-то пять пунктов). И братья узнали, что...

Все имеющееся на момент свадьбы имущество брачующихся переходит в совместную собственность.

Проживание в доме мужа.

Право на личную жизнь каждого.

Удочерение женой падчерицы мужа.

Права наследования в случае кончины каждого из супругов.

Гога не понял, что это такое – про личную жизнь каждого. Адвокат молча принялся за коньяк. Тогда секретарь, заикаясь, объяснил, что супруги не вмешиваются в выбор профессиональной деятельности друг друга и в особенности проведения досуга каждого.

Гоша не понял, что это было про удочерение? Секретарь начал объяснять, запутался, вступил адвокат и кое-как растолковал, что у корейца есть неродная дочь от его предпоследнего брака, эту самую дочь и обязалась, вступив в брак, удочерить Рита Мазарина.

– А может, мои ребята найдут их до того, как они успеют вступить в брак? – с надеждой простонал Гоша.

– Потом уже нельзя будет убить, – задумчиво насупил Гога. – По этому договору наследницей его доли будет несовершеннолетняя падчерица. Разве что и падчерицу?... – он сосредоточенно полез пальцем в нос.

– Зачем – убивать, я вас умоляю! – забеспокоился адвокат. – Есть совершенно адекватный и юридически правильный ход. Если вы уговорите свою сестру свидетельствовать против мужа, можно будет подать в суд о принудительном подписании договора и признать его недействительным. Только ваша сестра... она очень влюблена, очень... С другой стороны, этот Гадамер все время размахивал пистолетом, угрожая шоферу, который его сюда привез, это можно будет обыграть и при правильном свидетельствовании подвести под принудительное подписание договора Маргаритой Анатольевной.

Братья тут же потребовали составить заявление от имени Маргариты Мазариной, под дулом пистолета подписавшей брачный договор. Телефоны молчали.

– Да найдем мы сестрицу, куда денется, за день, за два – найдем! На работу она явится? – посмотрел Гога на Гошу.

– Явится! – отрапортовал Гоша.

– В институт прибежит?

– Прибежит!

Успокоив себя таким образом, они отбыли с тщательно уложенным в папку заявлением, в наказание пообещав не платить адвокату полгода аренду за его офис – «пусть сестрица тебе платит, раз ты теперь и на нее работаешь!».

«...И девушке поневоле пришлось стать женой Синей Бороды. С тех пор она жила пленницей в замке, терпя муки смертные, выплакивая глаза.

Порой к ней подсаживалась пастушка, кроткая как ангел и такая красивая, что красота ее радовала сердце...»

В ближайшие три дня, употребив все возможные связи, братья обыскивали Москву. Рита Мазарина на работе оставила заявление на отпуск без содержания в связи с бракосочетанием. Ее заявление ректору медицинского института об академическом отпуске по семейным обстоятельствам пришло в ректорат по почте. Братья посетили три места работы корейца, два ночных клуба, где он по пятницам под стриптиз пил вино, еще казино «Гавана», где его тоже хорошо знали, и поняли, наконец, что имелось в виду под «особенностями проведения досуга» и для чего в брачном договоре присутствует пункт о невмешательстве в личную жизнь каждого из супругов. Вероятно, от полного отчаяния они посетили и среднюю школу № 1127, в которой я числилась учащейся десятого «Б» класса, потом – театральный кружок, потом довели-таки своими расспросами мою бабушку до «неадекватного поведения» – так она назвала швыряние в братьев дровами и бег за ними по пересеченной местности загородного поселка с вилами в руках.

Мы с Ритой Мазариной за эти три дня кое-как отмыли двухэтажный деревянный дом в поселке Сюсюки. Высохли выстиранные занавески и древнее постельное белье – упорная сопротивляемость льна доводила до отчаяния. Поджили на руках водянки – у Риты Мазариной от стирки льняных простыней, и у меня – от разводного ключа, которым я пыталась наладить газовое снабжение дома и обогрев. Сам кореец в эти три дня отсутствовал, хотя и навещался пару раз минут на сорок, ему этого времени как раз хватало обнять молодую жену и погрозить пальцем падчерице, чтобы она не слишком увлекалась «железками» и не взорвала дом.

Мы залили воду в батареи и в бак на чердаке. Вдвоем. Без него. Намылили мылом все соединения труб, пустили газ, и синяя корона вспыхнула в обогревательном котле. Без него. К вечеру третьего дня мы убедились, что соединения не пузырят, потом всю ночь принохивались в потеплевшем доме. Без него. Залезли в подвал, обшарили чердак. Без него. Обследовали старую покосившуюся баню и поленницу дров рядом с нею. Рискнули и затопили.

Когда дымок из трубы наладился, во дворе вдруг образовался мужичок с ружьем. Ни слова не говоря, он по-деловому осмотрел выметенную баню, обошел дом. Пока я с огромной сковородой наготове затаилась за дверью, Рита мужичка разговорила. Оказывается, он нанят специально, чтобы нас охранять! И пришел узнать, правильно ли мы топим баню. Мы с Ритой по наивности подумали, что он беспокоится, как бы мы не угорели, а мужичок пришел поинтересоваться, хватит ли нам полтора часа помыться? А что будет через полтора часа? А через полтора часа он придет, проветрит баню, подбросит дровишек и «поддаст парку по-настоящему, без бабских штучек», после чего пригласит остальных мужиков, нанятых нас охранять, и они попятятся по очереди, так что «девки, заготовьте самовар ведерный!».

– А сколько тут этих мужиков? – осмотрела Рита заброшенный двор.

Во дворе старые яблони застыли в легком морозном полдне. Шелестя, облетали последние, уже обесцвеченные и скрученные холодами листья, их шелест в прозрачном воздухе заставлял затаить дыхание и дожидаться последнего звука – соприкосновения падающего листа с другими, выставшими собой землю. А лист падал так долго и так невесомо, в полной тишине и безветрии, замедляя собою время, и хотелось сделать что-то резкое, крикнуть, двинуться, чтобы убедиться, что внутри тебя есть еще жизнь и собственный пульс, не подчиняющийся замедленному метроному осени.

– Четверо нас, – мужичок достал из кармана телогрейки папиросы. – Да вы, бабоньки, не дрейфите, мы мужики тертые, стрелять и охранять приученные, потому что все – лесники! А Николай вообще зверь, потому что с Афгана еще на голову контуженный. Мы все тут рядом живем, за домом Кемира присматриваем уже которой год!..

Сблизившее нас с Ритой за эти дни ощущение одиночества и уединения пропало. Раздвываясь в предбаннике, мы то и дело посматривали в крошечное окно, выискивая затаившихся охранников, особенно Николая, который «вообще зверь»...

– А кто это – Кемир? – спросила Рита, раздевшись.

– Это теперь твой муж.

– Ну вот, – загрустила она, – я только привыкла к его странному имени, только научилась произносить с ходу, не заикаясь – Га-да-мер! – она закрыла глаза и легко улыбнулась.

– Моя тетушка Леони называла корейца Кемой, я так думаю, что его родовое имя – Кем. Ты что, в трусах будешь париться?

– Да, – уверенно заявила Рита. – Я всегда моюсь в трусах. Так микробы не проникают внутрь женского организма.

Выслушав такое заявление, я в первую минуту, конечно, подумала, что медицинское образование не проходит даром, но потом призадумалась.

– Госпожа, – присела я перед нею в парилке на корточки, – *«я знаю, о чем вы думаете. Вы не доверяете слугам и служанкам в замке, и вы правы. Но я не такова, как они, я вас не предаю. Госпожа, расскажите мне о своем горе»*.

Выдав все это наизусть, я изобразила на лице собачью преданность и напряженное участливое внимание.

– О, никто не поможет моему горю! – вдруг совершенно натурально зарыдала Рита.

– Неправильно. Ты должна сказать: *«Пастушка, прекрасная пастушка, если ты меня выдашь, господь бог и Пресвятая Дева покарают тебя»*, потом погладить меня по щеке и решиться: *«Слушай. Я расскажу тебе о своем горе»*. Вот так.

– Эт-то из какой пьесы? – всхлипывает Маргарита, уже выпустив улыбку на дрожащие губы.

– Это из моей любимой сказки.

– Ладно, пастушка, куда от тебя денешься... Смотри.

Глубоко вздохнув, Рита Мазарина стащила трусики. Я тщательно, сантиметр за сантиметром, обшарила глазами низ ее живота, подработанные для посещения бассейна волосы на лобке, но ничего интересного, что бы стоило прятать под трусами, не нашла. Рита медленно повернулась спиной.

К этому моменту парилка раздухарилась вовсю, мы стояли, обе мокрые от пота, а я то и дело смаргивала соленую влагу с ресниц, поэтому сначала не поверила своим глазам, бросилась к ведру, обмыла лицо и замерла позади съездившейся Риты. Если честно, я ожидала увидеть что-то вроде татуировки в низу живота (стрелу с надписью «Добро пожаловать», например) или крылья ангела на попе с надписью «Полетаем?». Но такое?!

– Здорово... – это все, что пришло в первый момент мне в голову. – Можно потрогать?

Рита молча пожала плечами, и я осторожно, не дыша, прикоснулась к хвостику, который лежал у нее между ягодиц. Этот... этот... этот хвост пошевелился под моей рукой, клянусь!

От ужаса меня отнесло назад, я упала, опрокинув на себя ржавые тазы в углу, и стало так холодно, словно мы были с нею не в бане, а во дворце Морозко.

– Холод-ды-ды-но тебе, де-е-е-вица, холод-ды-ды-но тебе, красавица? – бормотала я, трясясь. – Что ты, батюшка, тепло...

Не знаю, посиди я так в углу еще минут пять, вполне возможно, повредила бы мозгами. Но тут я заметила, что в окошко предбанника подглядывает усатая морда и тарашит глаза, вглядываясь, а когда вглядится как следует, то и света двух керосиновых ламп хватит, чтобы разглядеть спину и попу Риты Мазариной! Я закричала, набрала в ковшик воды и плеснула в окно. Морда пропала. Мне полегчало.

Рита опять ударилась в плач, теперь она тихонько подвывала, сидя на верхней полке. Я села на нижней, у ее ног, и на всякий случай поинтересовалась, а нет ли еще жабр и перепонок между пальцами? Рита вытянула ноги, растопырила пальцы и перестала плакать. Перепонки нет. Недавно сделан педикюр, ногти окрашены в розовый перламутр.

– А кореец видел?

Молча качает головой, закрыв лицо руками.

– Я в нашу первую и последнюю ночь лежала на спине. Он меня бросит, когда увидит, это же такое уродство! – шепчет Рита сквозь мокрые от слез и пота пальцы. – Что мне делать?

– Пусть только попробует! – успокаиваю я ее. Значит, кореец не видел ее хвостик, а Рита... А Рита не видела его татуировки на спине, отмечаю я про себя и интересуюсь: – А это... Это врожденное или что-то вроде персинга?..

Рита убрала руки и посмотрела на меня с ужасом.

– Ты хочешь сказать, что кто-то в здравом уме может себе прилепить подобное для украшения? Конечно, врожденное! Это атавизм, или последствия радиации!

– Я бы хотела иметь такой хвостик. Правда.

– Ну, не знаю... – не верит Рита.

– А при чем здесь радиация?

– Это мне предприятие «Маяк» удружило. Слышала про такое под Челябинском? Закрытая зона радиоактивных исследований. Мы жили как раз под Озерками. Когда... когда я родилась с этим, мама сразу попросила сделать операцию, а оказалось, что у меня очень слабое сердце и я могу не перенести наркоз. Так хвост и остался.

– А он растет?

– Рос со мной. Сейчас пять сантиметров и восемь миллиметров. У тебя есть самый страшный ужас? Которого ты боишься больше всего?

Я честно рассказала ей про свои семь ужасов – одиночества, смерти, выпадения волос, слепоты, глухоты, летаргического сна и падения в разрытую могилу. Подумала и призналась в восьмом ужасе: прожить всю жизнь один на один с корейцем.

– А я, – шептала истекающая потом Рита Мазарина, – больше всего на свете боялась, что этот хвост вырастет длинным, будет висеть сзади ниже колен, будет двигаться сам по себе, как ему захочется, потом вырастет еще, и еще и задушит меня во сне!

– А мне он показался очень хорошеньким. Он правда шевелится?

– Да. И слава богу, не растет больше. Это просто лишние позвонки, которые у остальных людей давно отмерли, а я вот... – Рита пересела ко мне вниз и нашла своими глазами мои. – А почему это ты боишься отчима? А?

– Потому что мой отчим – Синяя Борода.

– Подожди... Семь жен, да? Ты поэтому? Твоя мама, тетя... Бедная моя девочка, – Рита обняла меня, и наш пот смешался, и я вдруг почувствовала, как ее рука тяжелеет, – а... он мне так... нравится, – прошептала Рита и свалилась в обмороке.

Перегрев.

Я вылила на нее два ведра холодной воды, дождалась удивленного всхлипа, обмотала в простыню, кое-как оделась сама, вышла на улицу и крикнула в наступившие сумерки:

– Эй, мужики-лесники! Девушка угорела!

Риту Мазарину отнесли в дом (я не отходила ни на шаг, бдительно следя, чтобы простыня не развернулась), напоили чаем и уложили в постель. А мне приказано было приготовить «что-нибудь пожрать и запить» к выходу охранников из бани.

Осмотрев приготовленный стол (изящно разложенные на блюде восемь бутербродиков из поджаренного черного хлеба, на которых узорно выложено икорное масло, а на масле – розовый ломтик соленой семги, а на семге – оливка в кружке лука, и оливка эта еще протыкается палочкой, скрепляя все сооружение), охранники сочувственно покачали головами, ушли и вернулись с двумя буханками хлеба, ведром квашеной капусты, огромным куском копченого сала, двумя бутылками водки и – что меня больше всего порадовало – банкой с маринованными помидорами.

Я на спор выпила шесть рюмок водки, после чего прошла по половице, ни разу не покачнувшись. Контуженный на голову Николай выпил пять, но с половицы слетел, остальные лесники только осуждающе качали головами, ограничив себя парой рюмок – «для аппетита». И постоянно менялись в дозоре. К полуночи силуэты входящих и выходящих из дома мужиков с ружьем в клубах холодного воздуха и шесть рюмок водки настолько запутали мое воображение, что я стала нервно искать по комнатам бабушку или волка, ее съевшего.

– Иди-ка ты спать, Красная Шапочка, – предложил старший из лесников, – а мы тут все уберем после себя и тоже потихоньку разойдемся.

Следователь Лотаров провел эти три дня с пользой. Он потребовал все документы на Гадамера Шеллинга, сорока шести лет, вдовца, научного консультанта кафедры философии Международного гуманитарного университета, доктора философских наук, почетного члена академии в Бостоне (отдел востоковедения) и корейца по национальности.

Изучил Лотаров все сведения о Шеллинге скрупулезно, составил список из имен умерших жен почетного члена академии в Бостоне, выпил при этом четыре стакана чаю и выковырял из носа несколько засохших образований устрашающего вида. Работавший с ним в кабинете другой следователь не выдержал такого рвения Лотарова и оставил его одного. Тогда, совершенно расслабившись, Агей Карпович (так звали Лотарова) впал в состояние напряженного обдумывания полученной информации, приняв «думательную» позу (сполз на стуле, пока затылок не улегся на спинке, расставил в стороны вытянутые ноги, глаза закрыл, а рот, наоборот, открыл, потому что при закинутой назад голове такое положение нижней челюсти более естественно, руки сцепил пальцами на животе, чтобы не расползались). Этой позой следователь Лотаров полностью обезопасил себя и от случайных посетителей, потому как каждый, сунувшийся в кабинет, осмотрев растекшегося на стуле с открытым ртом и раскинутыми ногами Лотарова, тут же осторожно прикрывал дверь и уходил на цыпочках.

Состояние напряженного обдумывания завершилось легким всхрапом. Очнувшись от этого звука, Лотаров составил еще один список, в нем было все личное и полученное по наследству Шеллингом после смерти семи жен имущество в виде недвижимости. Изучив новый список, Лотаров обвел красным фломастером один из адресов и позвонил владелице прачечной (по совместительству – судебному психоневрологу) Пенелопе.

Пенелопа напомнила следователю, что она работает в его ведомстве три дня в неделю и поэтому имеет полное право в свободный день не приезжать в кабинет Лотарова. Тогда Лотаров поехал в прачечную Пенелопы.

Минут пять он изучал вход – двустворчатая кованая дверь, узор этой чугунной двери, крепления, соединения ручек и замков, звонок, который с той стороны приводил в движе-

ние несколько колокольчиков, глазок камеры над дверью рядом с вывеской «*Прачечная Пенелопы*», – после чего сильно загрустил.

– Неприятности на работе? – поинтересовалась Пенелопа, отметив его унылый, потерянный вид.

– Не ожидал я от вас такого, Пенелопа Львовна, – удрученно заявил Лотаров, обводя рукой все это великолепие. – Не ожидал...

– То есть вы не ожидали такого размаха? – сразу все поняла Пенелопа.

– Да... То есть я имел надежду... Нужно было давно прийти к вам в гости, это многое бы объяснило, – бормотал Лотаров, осматриваясь.

– Вы только не расслабляйтесь, Агей Карпович, держите себя в руках. Вот вам пепельница, вот салфетки...

– Я не курю, – грустно напомнил Лотаров.

– Я знаю, но вдруг вам захочется плюнуть? И свой заветный платок доставать не надо, сморкайтесь в салфетки. Вот тут садитесь, подальше от моей стойки, вот так... Удобно? Тогда застегните ширинку.

Застегивая шесть маленьких неудобных пуговиц, Лотаров рассмотрел стойку, которую от него спасала Пенелопа. На каждой из восьми полочек этого воздушного строения из стекла и металла стояли небольшие фигурки из нефрита. По одной, слегка смещенные в стороны относительно друг друга. Одна из фигурок – третья полочка сверху – была такой крошечной, что Лотаров еле разглядел скорчившуюся на корточках женщину, всю – обтекаемую, свернутую улиткой, с кругло загнутой спиной, круглыми расставленными грудями, обхватившую круглые коленки плавными полными руками. И по тому, как задержалось дыхание, и по накатившему сильному желанию немедленно спрятать в ладони фигурку Лотаров почувствовал цену этих поделок, мельком глянул на Пенелопу, поймал ее веселый взгляд и недовольно крякнул.

– Итак? – Пенелопа села за стол и посмотрела выжидательно.

– Так ведь я просто в гости, просто – поговорить, – Лотаров перестал смотреть на фигурку женщины, собрался с мыслями и одним взглядом окинул кабинет Пенелопы. Удрученно покачал головой, скрутил было верхнюю губу, чтобы коснуться ею носа, но женщина за столом предупредительно постучала по столу ручкой. – Простите, – собрался Лотаров. – Девочка, протеже ваша, как там ее... – Не дождавшись имени от Пенелопы, Лотаров вздохнул, полез в карман, потом в другой...

– Не надо изображать забывчивость, гражданин сле-е-дователь, – пропела Пенелопа, – что вы, в самом деле?

– Да. Алиса Катран, – сразу вспомнил имя Лотаров. – Она нарушила условия подписки о невыезде.

– Не может быть! – удивилась Пенелопа.

– И тем не менее. Звонил ее отчим, который имеет имя Гадамер, он сообщил, что в силу исключительных обстоятельств ему пришлось запрятать падчерицу и запрятаться самому, так что беспокоиться не надо... Его жизни и жизни его падчерицы угрожают, и он вынужден был обеспечить своей семье безопасность, и поэтому пребывание девочки Алисы в Москве исключается.

– Теперь я должна спросить, кто угрожает Гадамеру Шеллингу, так? – улыбнулась Пенелопа.

– Это как вам угодно, только я бы все равно сам сказал. Ему угрожают братья Мазарины. – Заметив, что Пенелопа нахмурилась, Лотаров выждал немного, потом продолжил: – Правильно, Пенелопа Львовна, это те самые криминальные авторитеты, которые при последнем задержании не прошли у вас ни одного теста ни порознь, ни вместе.

– Умственное отставание второй степени, вполне вероятный врожденный дебилизм, – вспомнила Пенелопа. – Да у них и справка есть, если я правильно помню, тяжелые последствия проживания в зараженной местности. Что они не поделили с Гадамером?

– Сестру. У них есть сестра, ее и не поделили. Счастливо избежавший смерти от ножа падчерицы кореец Гадамер на днях скоростижно... скоростижно женился, а вы что подумали, Пенелопа Львовна, что это вы побледнели? Женился он на Маргарите Мазариной, а ее братьям этот его поступок показался оскорбительным. Свадьбы как таковой не было, после подписания брачного договора и регистрации Гадамер с новой женой и падчерицей отбыл в неизвестном направлении, братья подключили всех своих должников в милиции, в ГИБДД... как там дальше?... Дэдэ, но найти новорожденную семью не могут.

– И вы думаете, – осторожно заметила Пенелопа, – что я знаю, где Алиса?

– Это вряд ли. Я сам еще не уверен, куда уж вам... Понимаете, как нехорошо получилось. Я только что проконсультировал адвоката, он должен был подготовить Алису для суда, а она пропала. Пришлось мне напрячь мозги и поработать над собранным по корейцу материалом. И вот что получается. У Шеллинга есть три собаки породы... минуточку, у меня записано... породы дог пепельный, да, кажется, так. Одна сука и два кобеля. Щенки, если вы в курсе, идут не меньше чем по семьсот долларов, я тут узнавал, но сука – не жилец. Эти пепельные суки капризны в плане здоровья, больше двух-трех раз не щенятся, да и то зачастую только с кесаревым, а после родов обычно наступает какая-нибудь онкология... да... О чем это я?

– О суках, – ласково напомнила Пенелопа, проявляя чудеса терпения.

– Так вот, – оживился Лотаров. – Это что получается? Шеллинг вывез свою семью в укромное место, и место это должно хорошо охраняться и быть достаточно укрепленным, даже и не знаю, насколько достаточно против братьев Мазариных, потому что, к примеру, при последнем обыске у них в квартире обнаружили гранатомет. А тут собаки! Понимаете? Не понимаете. Собак кореец сразу же определил где-то за городом, если точно, то он передал их на хранение с условием полной оплаты за содержание до первого помета. До первого помета, понимаете?

– Я все еще не улавливаю, – созналась Пенелопа, откровенно посматривая на часы.

– Человек приглядывает за собаками, регистрирует их в клубе, возит на выставки, обеспечивает ветеринара. Все это – за деньги Шеллинга, пока сука не ощенится. Потом этот человек продает щенков и живет некоторое время безбедно, кобелей вывозит на случки, потому что покрыться таким кобелем тоже дорого стоит. Я узнавал, вот тут у меня записано... Вот. Кобель Генрих, первое место на международной выставке два года назад, так... его родословная, мама, папа... Вот! Хозяин – Гадамер Шеллинг. Что это значит? Что он не продал собак, не подарил, а нанял человека для их содержания и числится до сих пор хозяином пепельных догов. Я думаю, тут у этого самого Гадамера чистый снобизм победил. Медали небось себе забирает. А где, по-вашему, должен жить этот нанятый человек вместе с собаками?

– Где?... – простила Пенелопа, массируя виски.

– В хорошо налаженном хозяйстве, чтобы и мясо было, и овощи свои, и молочко. И чтобы рядом всегда на подхвате был кинолог и ветеринар. Еще одну минуту, и вы все поймете. Да вы не стесняйтесь, выпейте чего-нибудь, а то выглядите усталой, я бы тоже не отказался. Воинская часть 2340 в Тверской области имеет на содержании собачий питомник, вы не знали? Есть такой поселок Сюсюки, в двух километрах от него – воинская часть, а в ней – собачий питомник, вот мы и нашли кинолога! – радостно объявил Лотаров, принимая от Пенелопы чашку кофе на фарфоровом блюде с серебряной ложечкой и двумя кусочками сахара. – А можно еще сахару? – просительно заглянул он в окаменевшее лицо Пенелопы. – Я на такую чашку четыре кладу.

Пенелопа, пошатываясь, принесла сахарницу, поставила на столик возле Лотарова. Намочила водой платок в графине, ушла к своему рабочему столу, откинулась в кресле без сил и закрыла мокрым платком лицо.

– Ничего, вкусный кофе, а я, знаете, всегда помол еще чуть-чуть поджариваю, тогда получается ароматней. Нет, честно говоря, кофе у вас не ахти. Как-нибудь я угощу вас настоящим кофе. А мой знакомый, он раньше летчиком служил, так он вообще перемелет кофе и замочит часа на два в холодной воде, потом сольцы туда немножко...

– Лотаров! – повысила голос Пенелопа. – Даю вам еще пять минут. Если вы после этого не уйдете, придется уйти мне.

– Вот я и думаю, – с готовностью подхватил следователь, – что это за стирка такая у вас дорогая, что это за грязное белье, за которое так хорошо платят? Небось отстреливаете любовников и неверных жен-мужей, а? Такой офис содержать, знаете!.. Вон и пистолетик у вас в столе затаился заряженный. – Лотаров подождал немного, но Пенелопа не пошевелилась, в стол рефлекторно не дернулась, а лица под платком не разглядеть. Вздохнул и продолжил: – Не будем отвлекаться. Я коротенько. Значит, в поселке Сюсюки какому-нибудь отставному леснику вполне выгодно было бы содержать даже таких капризных здоровьем собак, как эти самые пепельные доги. Потому как рядом оказался собачий питомник по разведению служебных собак, а следовательно, и ветеринар, и собачий учитель всегда под рукой. И что вы думаете? Есть такой отставной лесник! Вот у меня и имя его, и фамилия имеются! А у лесника этого в собственности два гектара земли, жена, двое детей и трое наемных работников.

– Две минуты сорок секунд, – напомнила Пенелопа, не взглянув на часы.

– Как это у вас получается? Неужели сидите и секунды считаете? Не отвлекайтесь, Пенелопа Львовна, я уже подошел к главному. Составив список из всей имеющейся у Шеллинга недвижимости, я обнаружил один любопытный адресок. Оставшийся корейцу после развода со второй по счету женой деревенский дом в поселке... Ну? Правильно, поселке Сюсюки Тверской области. Видите, как все просто, Пенелопа Львовна.

– Десять тысяч долларов, – небрежно заметила Пенелопа, сдернув платок с лица.

– Как вы сказали?

– Вы хорошо поработали и можете получить за эту информацию десять тысяч долларов.

– Так много?! – восхитился Лотаров.

– Да. Именно столько обещали братья Мазарини за сведения о местонахождении своей сестры. До свидания, гражданин следователь.

– Минуточку. Я подумал, может, вам будет интересно... Гадамер Шеллинг ни разу не привлекался, но я нашел некоторые документы по делу о пропаже коллекции *перед-апартэ*, где он проходил свидетелем.

– Какой-какой коллекции?

– *Перед-апартэ*, а что? Не так сказал? Его предпоследняя жена работала по договору с домом моды, делала коллекцию от *кунтиор* для...

– Лотаров, перестаньте меня смешить.

– Ладно. Не буду больше. После ее смерти коллекция пропала, а одних только тканей, кружев и бижутерии заказано было на сто шестьдесят тысяч. Рублей, я имею в виду.

– Агей Карпович, уходите, пожалуйста. Я устала от вас.

– Да вы меня не слушаете? А ведь я ваш телефончик прачечной оставил тому самому *кунтиору*, который все еще ищет свою коллекцию.

– Спасибо. Уходите.

– Кушайте на здоровье, богатейте, а это себе оставьте. – Лотаров достал из портфеля папку, из папки – сосредоточенно сопя – подколотое дело, сдернул скрепку и протянул Пенелопе лист бумаги. – Когда этот дизайнер по изготовлению вечерних платьев позвонит, вы уже будете в курсе дела!

– Какого дела?! – повышает Пенелопа голос.

– Мне кажется, что дорогие платья, сшитые его шестой женой, спер доктор философии Гадамер Шеллинг! – наклоняется и доверительно шепчет в лицо отшатнувшейся Пенелопе Лотаров. – Я все перерыл. Привлечь его не за что. Разве только вы что настигаете в своей прачечной по этим платьям. Найдете платья, получите вознаграждение, а я за похищение коллекции задержу Гадамера!

– Это бред какой-то! – разводит Пенелопа руками. – Да зачем его задерживать?! Хватит этому корейцу и без вас проблем, если уж его братья Мазарины ищут!

– Тем самым я собираюсь спасти его от неминуемой смерти. Это мой служебный долг! – торжественно заявляет Лотаров.

– Вы думаете, что братья Мазарины...

Задумчиво посмотрев в лицо Пенелопы, следователь Лотаров засунул в правое ухо указательный палец и напряженно потряс им, ощерившись. Достал палец, осмотрел его, вытер о штанину и, уходя, в дверях поинтересовался:

– А сколько у нас с вами осталось времени до совершеннолетия малышки Алисы?

Пенелопа закрыла глаза.

– Ладно, ладно, уйду, не падайте в обморок. И знаете что? Вы меня весьма приятно приняли, выслушали и кофеем напоили. Теперь я – ваш должник. Обещаю поразить ваше воображение и вкусовые рецепторы.

В четверг кореец приехал еще затемно, незнакомые люди таскали коробки с едой, он сам не спеша обошел дом. Я, затаив дыхание, слушала его шаги в коридоре и на лестнице, но будить Риту не стала. Кореец зашел сначала в комнату Риты, походил там, потом потихоньку открыл дверь в мою комнату и на цыпочках подошел к кровати, на которой мы с Ритой заснули одетыми после подробного ночного обсуждения всех ее и всех моих страхов, напугав друг друга этим обсуждением до полной невозможности уединения.

Я старалась как могла, изображая глубокий утренний сон, но кореец наклонился близко к моему лицу, дохнув перегаром, и шепотом предложил пойти покататься на лошади.

Светало. Незнакомый мне мужчина сидел за рулем его машины, он подвез нас на хутор к леснику и потом ждал, прожигая слабым огоньком сигареты светлеющий густой туман. После нескольких морозных дней и мокрого снега наступила оттепель, с крыш капало, и в полном безветрии приходилось глотать с каждым вздохом и туман с привкусом запахов скотного двора, и дымок из трубы, который тоже не шел в небо, а стелился к земле.

Мне привели пегую кобылку – Маврушку, а кореец сел на темного жеребца. У сарая стоял под навесом мотоцикл, еще я насчитала три автомобиля (без нашего), трактор и телегу, которую, судя по натертостям на шее, возит моя кобылка. Спокойным шагом мы прошли сквозь туман всадниками без голов – я видела только круп его лошади и неясные очертания тела, – пока не поднялись на холм, тогда кореец вдруг проявился весь, и я обнаружила, что его фигура, вся в темном, сливается безупречной посадкой с темным крупом лошади в единый организм.

– Я проведу с вами день, а потом уеду, – объявил кореец. Не поворачиваясь ко мне, он напряженно смотрел куда-то, словно выслеживал в отступающем в низину тумане запрятавшихся там химер. – Ты должна знать, что вы обе в безопасности, пока делаете все правильно. Если со мной что-то случится, если я не вернусь через пять дней, ты откроешь потайную комнату в мансарде, включишь компьютер, соединишься к моему центральному офису и уничтожишь данные о семи счетах, которые находятся на отдельном файле. Ты умеешь это делать, я знаю.

– Какую комнату в мансарде? – я подъехала к нему поближе, теперь наши лошади стояли рядом. Стало совсем светло, но солнце, которое подстерегал кореец, так и не смогло пробиться сквозь пелену тумана и только слегка окрасило оранжево-красными размывами горизонт.

– Я сделал небольшую перепланировку, когда ремонтировал дом шесть лет назад, и устроил себе потайную комнату. Дверь скрыта под деревянными панелями, справа от нее у самого пола клавиша выключателя, сама комната разделена перегородкой. В передней части – разные коробки, тебя это не касается, в верхней коробке лежит ноутбук, его и подключишь. За перегородку не заходи. Повтори.

– Не заходить за перегородку.

– Еще раз.

– Не заходить за перегородку!

– Не кричи. Теперь запоминай имя файла и пароль. Три цифры, семь букв.

– Идешь ва-банк, да?

– Не отвлекайся. Повторяй пароль, пока не запомнишь.

– Грабишь братьев Мазарини и думаешь, что тебе это сойдет с рук?

– Алиска, запомни, все в жизни относительно...

– Вот только не надо сейчас читать лекции по философии!

– Не буду. Я должен знать, что ты все запомнила правильно. Один из ярлычков с правой стороны экрана...

– Желтая лисичка? – перебиваю я его.

– Да. Твоя любимая лисичка. Если на него нажать...

– Появляется твоя электронная подпись. Ну и что?

– Она тебе понадобится после того, как наберешь пароль.

– Мазарини тебя найдут и убьют.

– Они совершенно безобидны, потому что непроходимо глупы, – самонадеянно заявляет отчим. – Когда наберешь пароль, возникнет табличка-запрос, ты вызовешь мою электронную подпись и нажмешь ОК, просто ОК, потому что адреса введены предварительно, а когда переконка закончится, все сотрешь.

Я молчала и еле сдерживала бешенство.

– Утро какое тихое, – вздохнул кореец. – Ангелы крыльями машут, слышишь?

Я прислушалась, но не услышала ничего, кроме дыхания лошадей и стука моего сердца.

– Когда ты станешь взрослой...

– Не начинай, ладно?..

– Когда ты захочешь узнать, жив я или мертв...

– Зачем это мне узнавать?

– Однажды я поцеловал тебя в живот.

– Еще чего?.. – я дернулась, Маврушка подо мной фыркнула и переступила.

– Когда ты спала, я тебя везде целовал.

– Неправда!

– Ты просто не помнишь, это были хорошие поцелуи, отцовские. Если ты захочешь узнать, жив ли я, приложи левую ладонь к животу. Вот так, чуть пониже пупка.

– И не подумаю!

– Приложи и послушай, – не обращая внимания, продолжил кореец. – Если услышишь пульс вроде легкого сердцебиения, значит, я жив.

– А если мертв?

– Почувствуешь тишину и холодок.

Я растегнула куртку, лихорадочно выдернула из джинсов рубашку, засунула за пояс руку и приложила ладонь к животу.

– Ты мертв, кореец! – злорадно объявила я после минуты напряженной тишины в его побледневшее лицо. – Ты уже мертв! Я ничего не слышу!

– Алиса!..

– Она пела тебе! Она пела тебе! – Я ударила Маврушку по крупу ногами, мы помчались вниз.

– Алиса-а-а!

– Она пела тебе и никогда не пела мне, – шептала я, не подпуская слезы к глазам. Задавленные внутри, они осели тяжелым комом и мешали дышать. – Она пела тебе, а теперь ты мертв!

Мне почудились впереди странные тени. Взлетая и падая, распластавшись по земле серыми призраками, тени неслись от хутора навстречу, и никак было не разглядеть, сколько их, пока они не пронесли мимо, хрипя от напряжения, почти выпрямляя в одну линию гибкие длинные тела в прыжке. Три огромные собаки, выпущенные лесником, промчались, одарив на секунду близостью силы и красоты откормленных серебристо-серых натренированных тел. Где-то там, на холме, они добежали до корейца, бросились к нему с громким басовым лаем и прыгали от счастья, пугая его жеребца, и валялись на земле, обнажая голые животы, и носились кругами, пока он не слез с лошади и не дал себя повалить и облизать.

Проснувшаяся Рита бегала из комнаты в комнату, поправляя подушечки на креслах, сменила три кофточки, но ее все равно не устраивало то, что она видела в старом зеркале. Чайник закипал уже два раза. Нервничая, Рита становилась с напряженным лицом некрасивой, терялась, роняла посуду, и вот уже подступала к покрасневшим глазам, к напряженному горлу истерика – где же он, в конце концов, он приехал, почему не идет обнять жену?!

– Собак выгуливает, – зеваю я и иду досыпать.

А вечером, когда еще не включили фонарь над крыльцом и тени лесников-охранников растворялись в наступающей темноте между старыми деревьями в саду – обходы проводились раз по шесть в сутки, – я прокралась по лестнице так тихо, что Рита, застывшая в холле перед телевизором с выключенным звуком, ничего не заметила (звук мешал бы ей вслушиваться в себя и хранить память о теле и голосе корейца). С деревянной панелью пришлось повозиться, оказывается, она не сдвигалась в сторону, а поднималась вверх, в невидимую нишу, и закреплялась в поднятом положении рейкой. Дверца в потайную комнату была низкой, замок заело, ключ, выданный корейцем, не хотел поворачиваться, руки мои дрожали, а старый дом вздыхал и потрескивал своими внутренностями, как уставшее пугать дряхлое привидение.

Провозившись минут десять, я открыла замок и вошла в чулан Синей Бороды, согнувшись. Нашупала клавишу на стене справа, у самого пола, а свет не включился. Так, да? А у меня с собой фонарик! С новыми, только что вставленными батарейками. Отлично светит.

Комната оказалась совсем крошечной – два шага до поставленных друг на друга коробок у стены. Копаться в них некогда, да и кореец только что уехал, пяти дней еще не прошло, чтобы доставать ноутбук. Осветив все вокруг себя, я обнаружила, что не могу определить, где находится та самая перегородка, за которую нельзя заходить. Три сплошных стены, никаких зазоров. Ощупав все вокруг, я стала на колени и провела пальцами по соединениям стен и пола. Неужели он специально сказал о перегородке, зная, что я обязательно сунусь ее искать?! С него станет и пошутить, катит теперь по шоссе и смеется, представляя, как я в крошечной темноте, дрожа от страха, ощупываю каждый сантиметр его потайной комнаты! От отчаяния и злости я вспотела. Села на пол. Постаралась вспомнить, как выглядит эта часть мансарды снаружи. Посветила фонариком и вычертила пальцем в пыли приблизительный план второго этажа. Я – здесь, поставим крестик. Здесь – выступ, здесь – дверь в соседнюю комнату. Там – свалка старой мебели, и комната та метров пятнадцать, значит, стена, общая с ней, должна продолжиться еще не менее чем на три метра! Стоит продолжить ощупывание и простукивание стен. Я подергала, пытаюсь расшатать, три розетки и сунула палец в подозрительное углубление, но от этого стена не двинулась с места, открывая вход, и не вывалился оскаленный череп, охраняющий сундук с кладом. Из углубления, однако, удалось выковырять странную бусину – молочно-белая, в свете фонаря она светилась матовым жемчужным блеском и имела

две дырочки, как у пуговицы. Бусину-пуговицу я засунула в карман рубашки, вставая, пнула в сердцах ногой плинтус, и мне показалось, что он сдвинулся. Я присела, разглядела и потрогала плинтус в этом месте и обнаружила, что он пластиковый! У остальных трех стен – плинтус точно деревянный, прибитый гвоздями, а здесь – пластиковый и не закрепленный.

Тут решил вмешаться внутренний голос, он посоветовал мне уйти из комнаты и вернуться завтра, когда будет светло, и, открыв дверь, воспользоваться освещением из наклонных окон в коридоре. Конечно же, я его не послушала. Конечно же, я отодрала плинтус, просунула в щель, образовавшуюся между полом и перегородкой, пальцы и, наученная опытом с первой деревянной панелью, подняла вверх и эту, открывая перед собой еще один низкий вход в темное, пугающее пространство чулана. Мне вдруг показалось, что запахло духами. И не просто духами, а духами, которыми пользовалась мама! Перегородка – большой тяжелый лист фанеры – никак не закреплялась. Держа ее на весу правой рукой, я нащупала левой фонарик, присела, и желтый кружок заметался по чулану. Дыхание мое остановилось, я вся окаменела, только рука с фонариком, дрожа, резала и резала темное пространство на разноцветные полосы, выхватывая один за другим – крюки в стене, на которых!.. Закричав, я отшатнулась, бросив фанеру. Перегородка упала со страшным грохотом, я бросилась из комнаты, обрушив штабель коробок и не позаботившись закрыть после себя низкую дверь.

Слетела вниз по лестнице, забила в нишу под последним пролетом и только тогда вспомнила, что нужно дышать.

– Алиса! Алиса! Ты что-то уронила? – голос Риты издали казался нереальным, как призрак жизни. – Очень есть хочется, давай ужинать, давай пить вино, слушать музыку и веселиться!

И мы ели консервы, пили вино и слушали старые пластинки – радиола не работала, а диск проигрывателя крутился, и лапка шуршала по первым черным бороздкам вздохами подступающей музыки, и я впервые поняла, что оперное пение под красное полусухое – это лучшее успокоительное.

– А кто в твоей любимой сказке – восьмая жена или пастушка – был иници... иници... и-ни-ци-а-то-ром открывания двери в страшный чулан? – вдруг спросила Рита после того, как мы прикончили вторую бутылку грузинского красного.

– Жена, – выдохнула я, начав дрожать.

– И что?.. Что там такое было? Отрезанные головы предыдущих семи жен? – Она захихикала, потом, видя мое напряженное оцепенение, скорчила рожицу. – Ой, как страшно!..

– Там было... Там было восемь железных крюков, на которых... – я стала заикаться, – на которых висели семь мертвых жен Синей Бороды. Восьмой крюк был пустой. А может быть, на этих крюках висели только части жен.

– Как это – части?

– От одной жены – нога... От другой – почка, от третьей – сердце... От седьмой – глаз, – я решила не перечислять все подробно, но уточнила: – Внутренних женских органов, предназначенных для деторождения, не было, это точно.

– Почему? – опять захихикала Рита.

– Потому что Ираида оказалась бесплодна. Скорей всего, он повесил ее язык.

– Язык? – задумалась Рита. – Язык – это ничего, а вот как можно повесить глаз? – она растянула себе двумя пальцами веки и уставилась на меня веселым оголенным глазом. – Он к тебе приставал?

– Нет. Но оказывается, когда я была маленькая, он целовал меня в живот. Специально, чтобы живот это запомнил.

– Мой папа тоже меня целовал. В ушко, в носик... – Рита потрогала указательным пальцем ухо, но не попала на кончик носа, хотя открыла от усердия рот и скосила глаза. – Он тебя когда-нибудь бил?

– Еще чего!

– А твоя мама тебя била?

– Нет! – закричала я и добавила: – Достаточно того, что она никогда мне не пела.

– И твоя тетя, эта... которая седьмая жена, она тоже не била?

– Нет.

– Тебя нужно было отлупить пару раз, – авторитетно заявила Рита. – Иногда это помогает при начальных шизофренических проявлениях. Ты тогда обидишься и сконцентрируешь свою злость и раздражение на одном человеке, а не на себе и не на всем мире. Если хочешь, я могу тебя отлупить, приму на себя тяжелую ношу, я же теперь твоя... А кто я вообще тебе?

– Отлупить?! Меня?! Знаешь, что он повесит на пустом восьмом крюке? Твой хвост!

Представив в подробностях подвешенный на веревочке к крюку хвостик Риты, я поняла, что моя жалость к ней ушла. Навсегда.

– Ты противная, злая девчонка. – Рита встала, погрозила мне пальцем и отправилась в спальню, покачиваясь и держась за стены.

Я встала в половине восьмого утра, сварила кофе, уговорила себя съесть два бутерброда. На кухонном столе лежала связка ключей. Я сразу узнала брелок корейца – остов ракушки в янтаре, вот его ключи от квартиры, а этот – от арендованного сейфа, а этот от машины!.. Больше всего я обиделась на крошечный ключик от секретера в письменном столе корейца – мне он запрещал туда лазить! А Рите оставил все свои ключи, и еще шесть ключей, на первый взгляд, достаточно древних, чтобы открывать навесные замки и простые, поворотные. Поспорила сама с собой, что они – от этого дома, и выиграла (или проиграла), сделав два поворота замка во входной двери.

«...Однажды Синяя Борода сказал жене:

– Завтра я уезжаю в далекое путешествие. Вот тебе семь ключей. Шесть больших открывают двери и шкафы в замке...»

А что, если он уехал навсегда? Если он уже знает, что не вернется?! Тогда получается... Тогда получается, что за пять дней он, чистенький, удерет далеко-далеко, снимет в этой сказочной дали деньги или переведет их на новое имя, а я, как исполнительная дура, на шестой день сотру все доказательства его махинаций со счетов Мазарини!

Я заметалась по кухне, стараясь справиться с накатившим волнением. Ладно, или сейчас, или никогда!.. Собрала вещи в небольшую спортивную сумку, заварила термос, оделась, обулась и долго топала изо всех сил тяжелыми ботинками у двери спальни Риты, пока она не застонала:

– Алиса!.. Это ты? Мне плохо... Куда ты идешь?

Дождавшись шороха и чертыханий, я на цыпочках прошла по коридору, приоткрыла входную дверь, подумала и открыла пошире, после чего сняла ботинки и в носках быстро поднялась по лестнице наверх.

Осмотрела щиток. Два автомата были выключены, гадать было некогда, я включила оба.

Потом зашла в первое маленькое помещение с разбросанными коробками, опустила за собой панель, после чего закрыла дверь, села между коробками, надела ботинки, посветила фонариком на выключатель, щелкнула. Получилось!

Пришлось перерыть почти все разбросанные коробки, потому что определить, какая из них находилась наверху до падения, было невозможно. Черный чемоданчик обнаружился в самой последней коробке, из чего я заключила, что день сегодня у меня не из удачных.

Поэтому, подключив к розеткам провода, я не сразу открыла ноутбук, а почти минуту уговаривала его оказаться исправным и с дискетой.

Повезло наполовину. Ноутбук работал, но дискеты не было.

Черт! Черт!! Черт...

Ладно, главное, собраться. И ничего не напутать. Так, пароль, запрос, вызов электронной подписи. Посмотрим, что это... Счета, счета, счета. Не философ, а бухгалтер какой-то, честное слово! Выскочил вопрос на английском. Действительно ли я желаю отправить все указанное по заданному адресу? Стоп! А я не желаю отправлять по указанному адресу! Еще вопрос. Повторить подпись корейца. Да пожалуйста! Теперь нужно куда-то перегнуть все, что на меня свалилось, а дискеты нет. Думай, Алиса, думай!

Лучше всего в такой ситуации, по прежнему опыту моих уходов из дома, покопаться в карманах. Раньше я это делала на предмет обнаружения завалявшейся монетки... Ну вот. Повезло. Я смотрю на кусочек картона, имя *Пенелопа* написано золотом, факс, Интернет, электронная почта... Я осторожно подношу к губам и целую карточку, и еле слышный приторный запах успокаивает мое колотящееся сердце, как будто Пенелопа специально окуривает свои визитки дымком ароматических палочек для утешения потерявшихся сердец.

...Я не собиралась заходить за перегородку в соседнее отделение, я только потрогала фанеру, за которой жил мамин запах, укрылась курткой и сразу же поплыла. Когда, засыпая, я не вижу стен и потолка (такую крошечную темень, конечно, еще нужно поискать, но два-три раза я в ней оказывалась), мне кажется, что я плыву, сны тогда бывают неприятными, но делать нечего, подсаживать фонарик не хотелось, и я поплыла, поплыла в мутной воде моих кошмаров и страхов, слегка приглушенных мстительным чувством злорадства.

И злорадствовала я не зря.

Рита кое-как встала, обошла дом, обнаружила открытую дверь на улицу и стала кричать во двор. Она кричала и кричала: «Алиска, не дури, иди завтракать!», пока на ее крики не пожаловал охранник номер один. Рита объяснила, что вчера вечером мы с нею немного повздорили, «ничего особенного, и вина было всего две бутылки...», а теперь я куда-то делась, а чайник еще теплый, но нет моей одежды и ботинок, и дверь на улицу открыта.

Охранник номер один позвонил по сотовому. Пришли охранники номер два и три. Они обошли дом, метр за метром, еще не беспокоясь, переговаривались и шутили на втором этаже, я слышала сквозь пелену дремоты их смех, посветила на часы. Это было в девять сорок.

К десяти тридцати пожаловал четвертый охранник – контуженный на голову Коля, он внес некоторое беспокойство, грохотал ботинками по лестнице с усердием проштрафившегося спецназовца, ругался матом, а когда бегал по двору, так громко орал мое имя, что посадил голос (это я узнала через два дня). Коля предложил спустить собак, чтобы по запаху моего свитера они взяли след, но лесник обозвал Колю неприличным словом и сказал, что эти собаки стоят дороже их всех четверых, вместе взятых, к тому же они не прошли полный курс служебной подготовки и запросто рванут в лес порезвиться. Я с облегчением перевела дух. Мужчины разговаривали на лестнице, и Коля вдруг спросил:

– А эта дверь куда ведет?

У меня оборвалось сердце.

Но потом оказалось, что Коля заинтересовался соседней комнатой, а особенно сваленной там старой мебелью. Судя по грохоту, он не нашел меня ни под диваном, ни в шкафу, отчего, обозлившись, стал стучать по стене в коридоре. Я приложила ладонь к маленькой двери и слушала, как она содрогается под ударами кулака контуженого Коли. Я думала, рухнет или нет фанерная перегородка?..

Перегородка выдержала.

Минут через десять стало тихо, я выпила чаю из термоса и потихоньку выбралась из потайного чулана. С ботинками в руках, проскользнула вниз по лестнице к выходу. Дверь не скрипнула, замок за мной защелкнулся почти шепотом, я обулась, все складывалось пока

хорошо, только вот я совсем не знала, куда именно направились меня искать охранники-лесники. Пробираясь в согнутом состоянии мимо окон, не выдержала и заглянула в кухонное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.